

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Семинар «Россия в историческом и мировом
пространстве»

Идеология и философия солидаризма

*Материалы
постоянно действующего
научного семинара*

Выпуск № 9

Москва
Научный эксперт
2010

УДК 316.42(470+571)

ББК 60.032.16

М 74

Научный руководитель семинара: А.И. Неклесса

Соруководитель семинара: С.С. Сулакшин

Научно-редакционный совет:

В.И. Якунин (председатель), В.Э. Багдасарян,

А.И. Неклесса, А.И. Соловьев, С.С. Сулакшин

М 74 Идеология и философия солидаризма. Материалы научного семинара. Вып. № 9. М.: Научный эксперт, 2010. — 128 с.

ISBN 978-5-91290-093-8

УДК 316.42(470+571)

ББК 60.032.16

ISBN 978-5-91290-093-8

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования, 2010

Содержание

<i>А.И. Неклесса.</i> Вступительное слово научного руководителя семинара.....	5
Тема семинара	
Идеология и философия солидаризма	7
Доклад	
<i>А.Н. Окара.</i> Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта	7
Вопросы к докладчику и ответы	42
Выступления	
<i>С.Г. Кара-Мурза.</i> Представленный образ мира солидаризма имеет мало отношения к реальности	61
<i>Б.В. Межуев.</i> От какой солидарности мы не отказываемся?	64
<i>А.В. Шубин.</i> Формирующиеся манипулятивные элиты — наш главный противник.....	68
<i>Е.Г. Пономарева.</i> Лучшим опровержением всякой теории является возможность воплотить ее в жизнь.....	71
<i>Д.С. Чернавский.</i> Идеи доклада могут быть адресованы посткризисному миру.....	76
<i>В.М. Межуев.</i> Солидарность как утопия.....	77

<i>Заключительное слово докладчика</i>	79
<i>Заключительное слово научного руководителя семинара</i>	85
<i>Приложение к докладу</i>	
<i>А.Н. Окара. Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии</i>	87
<i>Тематическая программа научного семинара</i>	122
<i>Список участников семинара</i>	123

Вступительное слово научного руководителя семинара

А.И. Неклесса

Уважаемые коллеги, мы продолжаем работу нашего семинара «Россия в историческом и мировом пространстве». Проблемы, которые мы обсуждаем, в значительной мере ориентированы на Россию, я бы даже сказал, с определенным прикладным или даже прагматическим уклоном. На мой взгляд, дискутируемые на заседаниях темы имеют прямое отношение к той ситуации, которая складывается в стране, в ее отношениях с окружающим миром.

Сегодня девятое, заключительное заседание семинара этого года, и его тема — *«Идеология и философия солидаризма»*. Докладчик — участник семинара Андрей Николаевич Окара, директор Центра восточно-европейских исследований. Тема доклада — *«Концептуальные ресурсы идеологии и политической философии солидаризма в современных модернизационных процессах»*.

Хочу заметить, что солидарность и солидаризм — достаточно различные категории. Но ими охватывается некое проблемное поле, основание коего — человек, по своей природе являющийся существом социальным. Мы знаем знаменитый роман Даниэля Дефо «Робинзон Крузо», но вот реальная история, на основе которой был написан роман, несколько иная, и она — печальнее. Александр Селкирк, шотландский моряк, проведший не 28, а «всего» несколько лет на необитаемом острове и послуживший прототипом Робинзона Крузо, так и не смог адаптироваться к новой обстановке.

Но, являясь социальным существом, человек остается личностью. А все со-общество людей — человечество представляет удивительный организм, свободный в прочерчивании исторической траектории в соответствии со своими

устремлениями, мировоззрением, миропониманием. В подобной констатации кроется множество проблем: дилемма конструктивного, солидарного поведения и деструктивного атомизированного, дилемма тотального контроля над личностью и ее свободного, в том числе анархичного или глубоко эгоистичного поведения. Собственно, в подобной асимметрии — конструктивной либо деструктивной — сокрыты судьба человечества, вектор ее развития либо деградации и вкус обретаемых плодов всемирной истории.

Это и многое другое является темой сегодняшнего разговора, тем более что понятие симфонии находится именно в «солидарном» пространстве рефлексии.

В заключение — несколько замечаний по поводу регламента заседания. Предлагаю отвести на доклад минут 20, примерно столько же на вопросы, затем сделать небольшой перерыв и далее — дискуссия с регламентом выступлений в пределах 7–10 минут. И еще я предложил бы докладчику не дублировать в выступлении разосланный ранее текст, а суммировать те тезисы, которые он считает генеральными и которые, по его мнению, требуют обсуждения. Такая форма позволит нам работать более оперативно, более динамично и, надеюсь, более продуктивно.

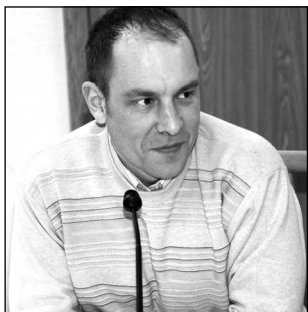
А теперь, передаю слово уважаемому докладчику.

Тема семинара

Идеология и философия солидаризма

Доклад

Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта

*А.Н. Окара,
кандидат юридических наук*

Онтологические, концептуальные и политтехнологические ресурсы идеологии и политической философии солидаризма в контексте модернизации России

Кризис проекта «Модерн», сопровождаемый общемировым финансово-экономическим и управленческим кризисом, провоцирует философскую рефлексию и широкую общественную дискуссию относительно поиска новых моделей выживания, самосохранения и развития наций и государств, относительно конструирования новых «миростроительных» проектов, шире — относительно новых структурных и этических основ общечеловеческой и локальной социальности.

Концептуальные параметры постмодерна свидетельствуют о том, что у этого явления нет своего «миростроительного» проекта, что его главный тренд — «не-развитие», отказ от развития. Перспективой такого «не-развития» уже в обозримом будущем могут стать «новое варварство», архаизация и деградация подавляющей части человечества, включая Россию и постсоветское пространство. Перед подобными вызовами проблема проектирования «Неомодерна» или

«Сверхмодерна» становится едва ли не центральной для социогуманитарных наук.

Можно предположить, что лидерами развития имеют больше шансов стать те субъекты (народы, государства, международные союзы, корпорации), которые первыми осознают парадигмы новой эпохи и сумеют к ней приспособиться или даже принять участие в ее формировании.

В условиях глобального транзита на первый план выходит вопрос о согласовании и солидаризации интересов, ценностей и потенциалов всех участников общественных отношений, поэтому социальная теория солидаризма, для которой этот вопрос является ключевым, обретает новое звучание и вполне реальные перспективы востребованности.

Попытаемся рассмотреть ресурсы и возможности солидаризма в качестве интерпретационной модели и программы построения новой социальности.

Социальная солидарность как ответ на главный вызов современности

Распад модернистских ценностей и институтов в современном мире стал не просто ощущением — он стал «мейнстримом», доминирующей тенденцией существования, усиливающей хаотизацию и усложняющей динамику бытия.

К примеру, «Модерн» продуцировал уверенность в существовании незыблемых источников абсолютной истины и абсолютной легитимности прогресса как общего вектора социального развития. Теперь же все выглядит значительно сложнее и неопределеннее. Главными тенденциями существования человечества можно считать деонтологизацию, разрушение иерархичности мироустройства, разрушение прежней модернистской картины бытия и институтов, которые ее задавали. Распад пирамиды ценностей и системы общепризнанных авторитетов — лишь видимые симптомы этих процессов.

Трансформацию переживают и старые формы социальной легитимности — речь о недостаточности прежних форм и методов поддержания лояльности внеэлитных слоев и кризисе выборной демократии как форме легитимации политической элиты. В качестве новой формы легитимности, дополнительной по отношению к существующим, к элитам теперь предъявляется требование *проектной субъектности* — необходимости наличия внятного стратегического мировоззрения и проекта эффективного развития государства.

В новых условиях социальную субъектность обретают прежде бессубъектные сущности — увеличиваются формальная независимость индивида и диапазон личностного планирования, возникают феномены «нового кочевничества» и транснациональных «людей воздуха», радикально возрастает значение сетевых структур и сетевого управления, при помощи которого малые группы, обладающие минимальными ресурсами, обретают возможность «несимметрично» влиять на глобальные процессы.

Так выглядит «точка бифуркации», точка неравновесия, точка выбора дальнейшего пути развития. Один из них связан с архаизацией, «не-развитием» и глобализацией на основе тотальной унификации, другой — с «перепрыгиванием» на новую орбиту развития, которое, судя по всему, будет проходить на качественно иных основаниях, чем в эпоху «Модерна».

Очевидно, что мировое сообщество нуждается в новой онтологии, в новой этике, в новой социальности, в новом аппарате видения и моделирования будущего, в новых механизмах согласования интересов и ценностей. Иначе говоря, в новых механизмах выживания и самоорганизации. В условиях глобальной трансформации на первый план выходят новые этические основания бытия — *этика ненасилия, проблемы доверия и свободной лояльности*, а также связанные с ними механизмы самоорганизации и синергетического взаимодействия, технологии «мягкой власти» (*soft power*) и рефлексивного управления. Возникают локальные социальные ниши, в

которых есть запрос на новую социальность, выстроенную на основе *этики «запрета зла»*¹.

Социальная солидарность, основанная на представлении о всеобщей социальной субъектности, которое, в свою очередь, основано на христианском представлении о креативной предназначенности человека и человеческой сотворенности по образу и подобию Божию, становится потенциальной идеологией самоорганизации и саморазвития амбициозного общества. Поэтому вопрос о согласовании и солидаризации интересов и ценностей всех участников общественных отношений выступает в качестве одного из ключевых для программирования будущего.

Солидаризм как концептуализация солидарности

В современной России солидаризм пока сравнительно мало рассматривается в качестве системы идей, взглядов и технологий, актуальных при моделировании стратегий социального развития. Тем не менее, интерес к нему возрастает во всем мире — особенно на фоне глобального финансово-экономического и структурного кризисов; нередко он рассматривается чуть ли не как «философский камень» новой эпохи. Можно сказать, что идеология, политическая философия, философия права и политэкономия солидаризма обретают новую жизнь.

Солидаризм нередко путают с солидарностью, однако это явления разного порядка. Солидарность — социальное состояние, присущее человечеству на протяжении всей его истории; солидаризм — политическая идеология, философское учение, социальная технология и соответствующая управленческая практика, основанная на идее общего блага, солидарности и согласовании интересов и ценностей.

¹ Речь о так называемой первой этической системе В.А. Лефевра, в которой предполагается, что при помощи зла невозможно достичь добра. См.: *Лефевр В.А. Алгебра совести*. М., 2003.

Солидарность (франц. *solidarité*) — общность интересов, единомыслие, единодушие, взаимозависимость, взаимосвязанность, круговая порука, совместная ответственность. Солидарность можно определить как принцип социального существования, предполагающий объединение ресурсов и возможностей субъектов отношений для достижения общих целей, при этом интересы каждого из субъектов находятся в равновесии с интересами общности.

Солидарность следует рассматривать как механизм социальной саморегуляции, самосохранения и саморазвития коллективного организма, который позволяет максимально использовать возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага.

Солидаризм (неосолидаризм) — принцип построения социальной системы, в которой ее члены (граждане, семьи, этносы, религиозные конфессии, социальные группы, политические партии, бизнес-корпорации и др.) обладают реальной правовой и социально-политической субъектностью, на основе чего их права, возможности и интересы могут быть консолидированы и солидаризированы ради достижения консенсусных целей (общего блага) в социальных рамках различного масштаба (локального, общенационального, глобального). Отвергая как либеральный индивидуализм, так и тоталитарный эгалитаризм, солидаризм пытается породить собственную «симфоническую» антропологию и онтологию, основанную на балансе индивидуальных и всеобщих интересов.

Российский идеолог солидаризма Г.К. Гинс понимал его как «учение о государстве и обществе, этической основой которых является идея солидарности, находящая свое выражение в добровольных объединениях лиц с общими интересами и координации расходящихся интересов государством, действующим в строгом соответствии с демократическими принципами»².

² Гинс Г.К. Современный капитализм и предстоящая эпоха (философия солидаризма) // Портрет солидаризма. Идеи и люди. М., 2007. С. 118.

Солидаризм в Западной Европе

Солидаризм в своем развитии пережил несколько этапов, причем на каждом из них он выступал в различном качестве: во Франции на первый план выходили социально-экономические аспекты, в Англии — правовые, в Италии и Германии — политические, в России и Украине — организационные, философские и метафизические.

Концептуально солидаризм восходит к философии немецкого романтизма — он появился как реакция на разочарование в либерализме и ценностях Французской революции 1789 г. В качестве альтернативы буржуазному строю была выдвинута идея корпоративно-сословного братства, апеллировавшая к средневековому сословному обществу. Адам-Генрих Мюллер сравнивал государство с «семьей семей», в которой сословия соответствуют элементам семейной структуры (именно в этом контексте рождается и образ «нации-семьи»). Государство должно иметь право вмешиваться в общественную и экономическую жизнь для защиты граждан и сословий, при этом буфером между государством и гражданином должны стать корпорации — органы сословно-профессионального самоуправления (ничего общего с современными финансово-промышленными корпорациями!). Особая роль отводилась церкви как высшей нравственной инстанции. Именно из этого источника берет свое начало христианский социализм и христианско-демократические идеологии. Карл Маркс в «Манифесте Коммунистической партии» подобный тип корпоративизма назвал «феодальным социализмом».

Но в полный голос солидаризм заявил о себе во Франции, где в начале XX в. он некоторое время даже считался официальной идеологией Третьей республики (1870–1940) и был призван нейтрализовать социальный антагонизм и угрожавшую существованию государства разгоравшуюся классовую борьбу. Там его понимали прежде всего как поли-

тэкономическое либо сугубо экономическое учение (Шарль Жид, Шарль Альфред Бугле «Солидаризм» (1907), Эмиль Дюркгейм «О разделении общественного труда» (1893), Леон Буржуа «Очерк философии солидарности» (1902), Эйхталь «Социальная солидарность и ее новые формулы» (1903), Флеран «Солидарность» (1907)), а также как специфическую правовую теорию позитивистской направленности (Леон Дюги, Морис Ориу).

Примечательно, что само слово «солидаризм» ввел в широкий оборот в 1840-х гг. французский философ-утопист, автор доктрины христианского социализма и последователь Сен-Симона Пьер Леру (1797–1871) (ему же принадлежит и термин «социализм»). Однако во Франции солидаризм остался преимущественно утилитарно-экономической доктриной, не получившей ни политической платформы, ни философского обоснования, к тому же большинство его идеологов были «прогрессистами» — атеистами, борцами с религией, масонами нерелигиозной направленности.

После поражения в Первой мировой войне солидаристские идеи начали активно развиваться в Германии, в католической среде, в контексте философии неотолизма. Наиболее яркие представители течения — Генрих Пеш и Густав Гундлах — даже были иезуитами. Они отвергли популярные тогда идеи «глобального организма» или «всемирного онтологического единства» как проявление пантеизма, ведущего к тоталитаризму и не имеющего ничего общего с солидаризмом. Настоящий солидаризм, солидарное существование возможно лишь в контексте органического понимания общества. Генрих Пеш называл солидаризм социальной системой, «которая придает подлинное значение солидарному объединению людей, таких как члены природного сообщества, начинающая семьей и заканчивая государством».

С определенными допущениями говорить о солидаристских мотивах можно применительно к идеологии итальянского, испанского и немецкого корпоративизма (фашизма и

национал-социализма) 1920–1930-х гг. Идеи корпоративного государства и концепт механической солидарности использовались там для легитимации гитлеровского, франкистского и муссолиниевского режимов и соответствующего тоталитарного дискурса растворения индивида в «общем деле». Работа Бенито Муссолини «La Dottrina del fascismo» («Доктрина фашизма») (1932), часто приписываемая итальянскому философу-неогегельянцу и теоретику корпоративизма Джованни Джентиле, считается наиболее аутентичным изложением подобного мировоззрения и системы ценностей: «Для фашизма человек — это индивид, единый с нацией, Отечеством, подчиняющийся моральному закону, связующему индивидов через традицию, историческую миссию, и парализующему жизненный инстинкт, ограниченный кругом мимолетного наслаждения, чтобы в сознании долга создать высшую жизнь, свободную от границ времени и пространства. В этой жизни индивид путем самоотрицания, жертвы частными интересами, даже подвигом смерти осуществляет чисто духовное бытие, в чем и заключается его человеческая ценность»³. Принципиальное отличие подобной тоталитарной антропологии от солидаристской заключается в отрицании за индивидом частных интересов и неповторимой индивидуальности («вне государства нет индивида»), хотя формально говорилось о снятии противоречий между частными и общественными интересами. Корпорации и профсоюзы в условиях тоталитарного строя в Италии, Испании и Германии превратились в бюрократический придаток тоталитарного государства и перестали влиять на политический процесс. Лояльность государству, Отечеству и национальной истории при тоталитаризме должна осуществляться не на основе свободной лояльности, как в солидаризме, а на основе жесткого принуждения «сверху». Поэтому любой «несолидарный» в тоталитарном обществе однозначно рассматривался как враг, с которым надлежит расправиться.

³ См.: www.nationalism.org/vvv/library/mussolini-doctrina.

В послевоенной Западной Германии в ходе реализации так называемого плана Джорджа Маршалла именно солидаризм («третий путь», «ордолиберализм») стал идеологией экономического возрождения страны⁴. Солидаристские концепты и идеология рассматривались как мотор для возрождения общества и экономики: рыночная свобода соединялась с устанавливаемым государством жестким государственным регулированием, при этом экономическая модель непременно должна была опираться на нравственные основания.

В современной Западной Европе присутствие солидаристских идей заметно в идеологии шведского социализма, лейбористских (трудовых) и христианско-демократических партий.

Солидаризм в России

Весь спектр солидаристских учений невозможно представить без «славянских альтернатив» — без специфического воплощения этого учения в контексте русской интеллектуальной и политической культуры и культур некоторых иных близких народов. В этом случае солидаризм рассматривается в контексте присущих восточному христианству и славянству духовных, культурных и социальных реалий, среди которых необходимо выделить: учения о соборности, всеединстве и преображении, социальные феномены централизованного авторитарного патерналистского государства, а также опыт казацкой вольницы и безгосударственности, социальную этику «смирения» и «послушания», славянский коллективизм и славянский индивидуализм, социальный опыт самоорганизации, представления о «широте славянской души» и т. д.

В отечественной интеллектуальной традиции — в социальной философии, философии права и общественно-политической мысли — идея солидарности имеет глубокие

⁴ См.: Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь. М., 1994.

корни. Можно сказать, что *солидаризм* — это «мейнстрим» русской философской мысли, но принципиально чужеродное явление для российской власти.

Еще в древнерусской культуре и православном богословии были распространены неоднозначные, с догматической точки зрения, представления о коллективном спасении и апокатастасисе (конечности адских мук и всеобщем спасении)⁵. Образ Святой Руси воспринимался как формат «абсолютной родины» — как место всеобщего спасения и преображения человечества в Богочеловечество. Крайне интересно, с точки зрения онтологии солидарности, православное учение исихазма: в этой сугубо индивидуальной духовной практике акцент делался на стяжание Божественных энергий, на обожение человека, на синергию (сотворчество) человека и Бога. В православной социальной этике еще в византийский период было разработано учение о симфонии церкви и государства как об оптимальной форме их обоюдного сотрудничества, взаимной поддержки и взаимной ответственности — при невторжении одной стороны в сферу исключительной компетенции другой⁶.

В светской общественно-политической мысли и философии более позднего времени представления о солидарности развивались в двух направлениях — *социально-экзистенциальном*, в котором солидаризм воспринимался прежде всего как онтология и сотериология (учение о спасении), и *социально-утилитарном*, в котором он воспринимался прежде всего как социальная технология. Иначе говоря, во-первых, *солидарность-как-соборность* и, во-вторых, *солидарность-как-взаимопомощь*.

⁵ В Откровении Иоанна Богослова речь идет исключительно об индивидуальном спасении: «Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим» (Откр. 2, 23) и «дела их идут вслед за ними» (Откр. 14, 13).

⁶ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (Глава III. Церковь и государство). См.: www.patriarchia.ru/db/text/141422.

В первом направлении речь идет о поиске параметров «жизни вечной» — об эсхатологии и спасении. Эта линия прослеживается в представлениях о «сродном труде» у Григория Сковороды, в концепции *соборности* Алексея Хомякова, согласно которой «Церковь есть не множество лиц в их личной отдельности, но единство Божьей благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати»⁷, далее развивается в метафизике *всеединства* Владимира Соловьева, в культуре русского *религиозно-философского ренессанса* и Серебряного века, в *идеал-реализме* Семена Франка, в философии «*космизма*», в философии «*общего дела*» Николая Федорова и учении Владимира Вернадского о *ноосфере*.

Для второго, социально-утилитарного понимания солидарности, характерен интерес к механизмам человеческого взаимодействия, направленным на консолидацию всеобщих усилий по достижению экономического, политического или социального эффекта. Учения о солидарности социально-утилитарного типа становятся популярными вместе с распространением в Российской империи социалистических идей — сначала у Герцена и петрашевцев, потом у «народников» и анархо-синдикалистов — П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, Л.И. Мечникова, Н.К. Михайловского. Характерным для этого круга мыслителей является идея Кропоткина о солидарности (взаимопомощи) как факторе развития человечества. У известного на рубеже веков социолога М.М. Ковалевского разрабатывается понятие «*замиренной среды*»: в обществе вместо борьбы должна воцариться солидарность, понимаемая как «сознание общности интересов и взаимной зависимости друг от друга»⁸. Л.И. Мечников описывает солидарность как фактор выживания в критических геоклиматических условиях России: «Смерть или со-

⁷ Хомяков А.С. Церковь одна // Хомяков А.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 5.

⁸ Ковалевский М.М. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Социология. СПб, 1997. С. 83–84.

лидарность, других путей у русского народа не было, чтобы не погибнуть, — он должен был прибегнуть к солидарности и общему коллективному труду для борьбы с окружающими неблагоприятными условиями физико-географической среды»⁹.

В конце XIX в. российский правовед-солидарист Н.М. Коркунов разработал теорию права как разграничения интересов, в начале XX в. речь о социальной солидарности идет в исследованиях о кооперации М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова. Особое место в этом ряду занимает попытка практической реализации солидаристских и анархо-синдикалистских идеалов, предпринятая Нестором Махно в ходе Гражданской войны в южноукраинских степях.

Для авторов сборника «Вехи» (1909), а потом и для идеологов Русского Зарубежья (Николая Бердяева, Ивана Ильина, Сергея Левицкого и круга Народно-Трудового Союза) характерно синтетическое отношение к солидарности, в котором ее экзистенциальное понимание как соборности и утилитарное понимание как технологии взаимопомощи соединяются — это проявляется не только в теоретических построениях, но и в политических программах. Следует отметить, что в западноевропейской интеллектуальной традиции солидарность понимается прежде всего — а то и исключительно — как социальное явление, как взаимопомощь, как результат разделения труда. В русской традиции, напротив, она тяготеет к этическому, метафизическому и экзистенциальному истолкованию — как проявление соборности, всеединства, целостности и органичности бытия. В основе западноевропейского понимания солидарности лежит идея равенства, в основе русского — братства. Западноевропейское государство, согласно Б.А. Кистяковскому, озабочено «охранением права», российское (в идеале) — «созиданием фундамента для высшего расцвета

⁹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 443.

личности»¹⁰. В целом, подобное деление соответствует двум противоположным подходам к анализу государства — институциональному на Западе и этическому — в России¹¹.

Одним из наиболее интересных и последовательных идеологов солидаризма Русского Зарубежья может считаться С.А. Левицкий (1908–1983). Формально он принадлежал к НТС, однако его философские построения, близкие к персонализму и продолжающие линию Н.А. Бердяева и Н.О. Лосского, достаточно далеки от авторитарно-радикального духа манифестов этой организации.

В его концепции «органического мировоззрения» солидарность понимается как двигатель социального развития, возвращающая общество к онтологической целостности. При этом борьба и конкуренция не исключаются — они рассматриваются как важные, но не определяющие факторы: «Связующая и объединяющая сила солидарности первичнее разъединяющей и отчуждающей силы борьбы. Сама борьба может существовать лишь там, где имеется налицо солидарность внутри борющихся групп... Борьба предполагает включенность борющихся между собой целостностей в некое объемлющее их единство»¹².

С.А. Левицкий отмечает, что солидаризм основывается на персоналистской философии, проникнут духом христианского учения и стремится быть социальной проекцией христианства: «Солидаризм — против социализации христианства, но он за христианизацию социальности. Солидаризм одушевлен и движим духом христианского учения»¹³. Среди заметных

¹⁰ Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 142–143.

¹¹ Спиридонова В.И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М., 2008. С. 165.

¹² Левицкий С.А. Основы органического мировоззрения // С.А. Левицкий. Свобода и ответственность: «Основы органического мировоззрения» и статьи о солидаризме. М., 2003. С. 156.

¹³ Левицкий С.А. Социализм и солидаризм // С.А. Левицкий. Указ. изд. С. 280.

идеологов солидаризма из круга НТС и журнала «Посев», помимо С.А. Левицкого, следует назвать Г.К. Гинса (именно он ввел в русскую общественную и научную мысль термин «солидаризм», ему же принадлежит концепция «координационного права»), Р.Н. Редлиха, В.Д. Поремского, И.В. Воцинина, Б.С. Пушкарева. В их программных работах солидаризм понимался как корпоративизм, предполагавший координацию социальных объединений (корпораций) на основе укорененных в российском обществе еще со времен Древней Руси принципов добровольности и самоуправления.

Идеи солидаризма развивались также в среде украинской эмиграции. В частности, солидаризм был официальной идеологией ОУН (м) (мельниковского крыла Организации украинских националистов) на протяжении четверти века — в 1947–1972 гг. Среди заметных идеологов солидаристской или близкой консервативно-солидаристской направленности можно назвать В. Липинского, Д. Донцова, Ю. Липу, О. Бодуйника, В.-Ю. Данилива, а также активистов «Союзу гетьманців-державників» — соратников гетмана Павла Скоропадского. В этой среде существовало мнение, что солидаризм особенно близок украинскому обществу ввиду длительной безгосударственности Украины и отсутствия сильной моноцентричной власти, что проявилось и в давнем опыте запорожского казачества, и в более близком во времени опыте махновского движения.

В наиболее яркой из солидаристских концепций — концепции «класократии» («класократической трудовой монархии») В. Липинского — общество солидаризируется на основах «сродности» и согласования классовых интересов. «Класократия» — это фактически «динамический элитизм», когда в национальную аристократию вливаются лучшие представители всех общественных классов (при доминировании класса крупных земельных собственников). «Класократия» Липинского отвергает и либерально-демократические, и националистические, и тоталитаристские социальные проекты.

В книге В.-Ю. Данилива «Солідарність і солідаризм» солидаризм и коммунизм рассматриваются как две продуктивные и теоретически разработанные глобальные альтернативы капитализму, однако между ними невозможен никакой союз¹⁴. В современной Украине среди ведущих политиков последовательницей солидаризма открыто провозглашает себя Юлия Тимошенко. Как представляется, украинский исторический опыт социальной солидарности и некоторые разработки украинских солидаристов имеют универсальное теоретическое значение и применимы в иных обществах.

Солидаризм на «карте» политических идеологий

На «карте» современных идеологий место солидаризма обозначено размыто, тогда как идеологии, чья история сознательного развития исчисляется двумя-тремя столетиями и чья системность не вызывает сомнений (либерализм, консерватизм, социализм, социал-демократия), «прорисованы» достаточно четко и рельефно. По этой причине солидаризм нередко трактуют как «фрагментарную», «гибридную», «эклектичную» идеологию, не имеющую ни собственной политической философии, ни фиксированной системы онтологических представлений, ни собственного социально-политического проекта, ни даже устоявшейся риторики и понятийного аппарата.

Все это верно лишь в том отношении, что уровень теоретической проработки солидаризма ниже, чем иных классических идеологий, и что каждое из направлений солидаризма на различных этапах его развития пыталось абсолютизировать себя как единственно верное, размывая общие идеологические контуры. Именно с этим связано распространенное предубеждение, что солидаризм — это либо сугубо французская экономическая доктрина, либо итальянская философия

¹⁴ См.: Данилів В.-Ю. Солідарність і солідаризм. К., 2000.

тоталитарной направленности, либо российские разговоры о «соборности», «всеединстве» и «Святой Руси».

Актуальной задачей изучения, развития и позиционирования солидаризма является разграничение его концептуального содержания и содержания иных политических идеологий — путем выявления общего, особенного и уникального в каждой из них.

Эта задача усложняется вариативностью современных идеологий (наличием множества разновидностей, течений, национальных вариантов), их диффузией и попыткой современных идеологов создать универсальную гибридную идеологическую модель, в которой сочетались бы лучшие и наиболее конкурентоспособные идеологемы.

Поэтому в нашем сравнении солидаризма с классическими политическими идеологиями речь идет о наиболее типичных, глубинных и принципиальных чертах каждой из них.

Солидаризм и либерализм

Их объединяет установка на субъектность, самодостаточность и активность индивидов. С точки зрения обеих идеологий, частная инициатива является главным мотором самоорганизации и общественного развития. Однако частная инициатива и частный интерес в солидаризме корреспондируется с общественным интересом, тогда как в либерализме он самодостаточен и разграничивается лишь с интересом иного субъекта. Либеральная онтология исходит из дискретности и атомарности мира, тогда как солидаристская — из его органичности и взаимозависимости.

Венцом творения либералы считают индивидуальность в ее эгоистическо-абсолютистском виде — человека как данность, человека в имманентном (но не трансцендентном) измерении. Такой человек зол и порочен, но изменить его нельзя и не надо — следует принимать его таким, каков он есть. Индивид — все, остальное — ничто. Государство — не

организм и не субъект, обладающий проектной логикой, а «ночной сторож» — инструмент в руках элитных классов.

С точки зрения солидаризма, государство должно быть не «ночным сторожем», но и не тотально-патерналистским молохом, как в консервативных идеологиях либо в тоталитарных разновидностях социализма. То есть солидаристское государство сильнее либерального, но слабее социалистического и консервативного. В идеале оно должно стать соратником и партнером для амбициозных классов, соучастником в проекте развития. Идеологи НТС считали, что идеальное государство — это «не ночной сторож, как при либерализме, не командир, как при диктатуре, а светофор на перекрестке, который не дает машинам столкнуться, но в остальном предоставляет водителям ехать, куда им надо»¹⁵.

Либерализм с его индивидуализмом испытывает наименьшее из всех идеологий сочувствие к незащищенным слоям общества — бедным, больным и слабым. Их не жаль: в том, что они не способны себя защитить и стать богатыми, здоровыми и сильными — виноваты сами. Это их частные проблемы, и нет никаких оснований тратить на них средства, которые можно перераспределить среди успешных тружеников (например, путем снижения налогов).

Солидаризм и консерватизм

И консерватизм, и солидаризм исходят из органической, холистской модели бытия как такового. Поэтому государство — это не бездушная машина, а организм, в котором каждый орган исполняет свою функцию, и отсечение какого-либо органа не может пройти безболезненно для всего организма.

Государство — в понимании консерваторов — разумно, наделено проектной субъектностью и призвано быть нрав-

¹⁵ *Пушкарев Б.* Российский солидаризм: вчера и сегодня // Посев. 2003. № 4.

ственным авторитетом и регулятором. По отношению к гражданам оно как строгий отец: «лишнего» не позволяет, заставляет работать, частную инициативу особенно не одобряет, зато в критической ситуации всегда спасет, поможет и накормит.

В контексте солидаристской идеологии государства не должно быть избыточно «много», ведь в условиях патернализма внеэлитные слои исключаются из процесса принятия решений — пропадает частная инициатива и субъектность, а общество теряет способность к внутренней динамике, саморазвитию и саморегулированию. Корпоративная теория предлагает наличие корпорации — посредника между государством и гражданином.

Одна из важных интенций консерватизма — культ элиты, апологетика аристократии крови, обоснование социального неравенства. Для солидаризма, в отличие от консерватизма и либерализма, не характерен какой-либо специфический культ «сильных» или «альфа-особей». Элита в солидаризме — это открытое сообщество людей, готовых быть «моторами» социального развития. В целом солидаризм, с рядом оговорок, можно назвать идеологией «бета-особей».

Важным «общим местом» солидаризма и консерватизма является ориентация на приоритет духовно-нравственных ценностей, которые в обеих идеологиях рассматриваются в качестве принципиально значимых мировоззренческих основ. И там, и там большое внимание уделяется религии и церкви как институтам социальной регуляции.

Солидаризм и социал-демократия (социализм)

С солидаризмом социал-демократические и социалистические идеологии объединяет а-элитизм — отсутствие жесткого и непроницаемого деления общества на элиту и внеэлитные слои. Разумеется, классовое, сословное и имущественное неравенство в представлении солидаризма оста-

ется, и государство не стремится учинить экспроприацию и отобрать все у богатых. Но подобное неравенство не абсолютизируется и не считается априорным благом — в отличие от идеологий консерватизма и либерализма. Социальное и имущественное неравенство, с точки зрения солидаризма, является благом лишь в той степени, в которой оно создает стимулы для развития, т. е. до того уровня, пока бедные, благодаря неравенству, хотят больше и лучше работать, чтобы стать богатыми.

Социал-демократы исторически выступают за разжигание и обострение классово-борьбы, солидаристы — за компромисс, за взаимные уступки и примирение работников и работодателей. Социал-демократия в идеале — за социальную революцию, солидаризм — за эволюционный путь развития. Социал-демократы (а также большинство консерваторов) — за коллективизм и альтруизм (либералы — за индивидуализм и эгоизм), солидаристы — за гармонию частного и общественного. Социал-демократия в большинстве случаев индифферентна либо враждебна по отношению к религии, солидаризм — за торжество христианских ценностей.

Солидаристские и социал-демократические идеи закрепились в концепциях современного социального государства. Общая установка обеих идеологий заключается в том, что бедных, больных и слабых надо поддерживать, но далее мнения расходятся: то ли им необходимо гарантировать социальный минимум — чтобы они не умерли от голода и болезней, то ли их надо сделать богатыми, здоровыми и сильными — за счет изначально богатых, здоровых и сильных, однако тогда у последних исчезнет интерес к развитию и обогащению. Фигурально выражаясь, социал-демократы предлагают дать нуждающимся и социально слабым «рыбу», тогда как солидаристы предлагают дать им «удочку». Солидаристы, либералы и консерваторы — за частную собственность на средства производства, социал-демократы — как правило, против. Солидаристы нередко подчеркивают, что

они за социально ориентированную рыночную экономику и что право собственности должно отягощаться некоторыми социальными обязательствами. Либералы же такой подход трактуют как покушение на самое святое — как ограничение права собственности и недопустимое вмешательство государства в экономику.

Солидаристы, социал-демократы и большинство консерваторов считают, что образование и здравоохранение — это общественная проблема, что ее основное бремя должно лежать на государстве. Либералы, напротив, считают, что это частная проблема, которую каждый гражданин должен решать сам и за свои деньги.

Солидаристы, либералы и социал-демократы считают, что в обществе должны доминировать горизонтальные связи, консерваторы с почтением относятся к иерархиям и вертикальным связям.

В солидаризме много внимания, по сравнению с иными идеологиями, уделяется развитию, саморазвитию и творческой эволюции общества.

Образно говоря, с точки зрения социализма и социал-демократии, богатый должен поделиться с бедным. С точки зрения консерватизма, бедный должен полюбить богатого. С точки зрения фашизма, бедный и богатый должны объединиться перед лицом общего врага. С точки зрения либерализма, каждый бедный может стать богатым. А вот с точки зрения солидаризма, богатый должен помочь бедному. Но не в смысле поделиться: *богатый должен помочь бедному стать богатым.*

Таким образом, в солидаризме много общих моментов с иными политическими учениями, но он несводим ни к одному из них. При этом солидаризм не имеет непреодолимых концептуальных или ценностных преград ни перед одной из классических идеологий, что может позволить его сторонникам найти общий язык и взаимопонимание с конструктивно настроенными идеологами и политиками практически лю-

бой ориентации. С либералами основой сотрудничества может стать отношение к амбициозным субъектам (индивидам, классам, корпорациям) как к «моторам» развития общества, с консерваторами — органическое понимание государства и социальной реальности, а также отношение к политике сквозь призму нравственных и религиозных ценностей, с социал-демократами и социалистами — борьба за социальную справедливость, защита интересов людей труда.

Солидаризм как «антицентр» между «правыми» и «левыми»

Достаточно любопытен и совершенно не прояснен вопрос о месте солидаризма в координатах правых/левых идеологий. Большинство попыток определить такое месторасположение оказываются неудачными — вроде бы, что-то в солидаризме есть левого, общего с социал-демократией, а что-то — правого, общего с консерваторами и националистами. Сами идеологи солидаризма из круга НТС также затруднялись с ответом на этот вопрос — наиболее распространенным был взгляд, согласно которому солидаризм находится по ту сторону «правого» и «левого»¹⁶.

Традиция определения идеологической правизны/левизны начинается со времен Французской революции 1789 г., когда в Учредительном собрании справа заседали консерваторы-роялисты, слева — якобицы, радикал-демократы и руссоисты, в центре — представители промежуточных позиций.

Для определения идеологической «географии» солидаризма, как нам представляется, допустимо воспользоваться методологией, предложенной А.Г. Дугиным. В ней, помимо «левого», «правого» и «центра», вводится четвертое самостоятельное понятие — «антицентр». Поэтому идеологические координаты в этой методологии предлагается рассматривать не как отрезок, а как окружность, так что «правые» и «ле-

¹⁶ Там же.

вые» соотносятся друг с другом не только через «центр», который служит посредником в их непримиримой вражде, но и через «антицентр», в котором «крайне левые» смыкаются с «крайне правыми», крайне революционные идеи с крайне консервативными¹⁷. В солидаризме соединяется крайне левое отношение к труду и социальному неравенству, одновременно — крайне правое отношение к сословному делению общества и к приоритету духовно-нравственных ценностей. Подобное сочетание встречается и у русских народников, и у эсеров (социалисты-революционеры, кстати, считали себя наследниками одновременно левых революционных демократов герценовского типа и правых славянофилов), и у французского анархо-синдикалиста Жоржа Сореля, и у раннего Муссолини, а также в большинстве концепций, именуемых «консервативной революцией». Определение солидаризма как идеологии «антицентра», в котором смыкаются концептуальные противоположности, представляется наиболее адекватным и точным.

Вопрос о родственности и взаимопроникновении — вплоть до тождественности — солидаризма и иных политических идеологий остается дискуссионным. К разновидностям солидаризма либо к его близким «родственникам» можно отнести такие политические и идеологические феномены, как анархизм, анархо-капитализм, анархо-синдикализм, коммуитаризм, «консервативную революцию», корпоративизм, неокорпоративизм, лейборизм (идеологию трудовых партий), христианскую демократию.

Нередко солидаризм безосновательно смешивают с социал-демократическими течениями и с авторитарным корпоративизмом (фашизмом). Примечательно, кстати, что сами участники НТС вспоминают о том, как накануне и во время Второй мировой войны берлинская группа этого союза была самой антинацистски настроенной¹⁸. Либеральный

¹⁷ Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004. С. 461–465.

¹⁸ Пушкарев Б. Указ. соч.

теоретик, один из основателей австрийской экономической школы Л. фон Мизес еще в начале 1920-х гг. выступал с жесткой критикой солидаризма как «псевдосоциалистической системы»¹⁹.

Дальнейшее развитие солидаризма как самодостаточной идеологии, обладающей своим собственным философским багажом и своей собственной проектной задачей, позволит увеличить его индивидуализированность и узнаваемость.

Механическая и органическая солидарности

Один из первых идеологов солидаризма французский социолог Эмиль Дюркгейм различал *механическую* и *органическую* социальную солидарность — по принципу наличия или отсутствия индивидуализации субъектов²⁰.

Так, в архаических обществах социальная солидарность основана на полном растворении индивидуальных сознаний во всеобщем «коллективном сознании» — это *механическая солидарность*, в ее основе лежит *подобие* солидаризируемых элементов, их *одноразмерность*. В соответствии с такой моделью устроены, к примеру, религия и тоталитарные идеологии. Тогда как в современных развитых обществах солидарность основывается на автономии и независимости индивидов, на разделении их функций, а также на функциональной взаимозависимости и взаимообмене — это *органическая солидарность*. При этом стоит отметить, что в развитом обществе коллективное сознание не исчезает, но его роль в жизни индивида уменьшается. А *разделение труда*, которое является не только экономическим, связанным с промышленным и интеллектуальным производствами, но всеохватным социальным явлением, предопределяет переход от механической

¹⁹ См.: Мизес фон Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994. (Глава XVI. Псевдосоциалистические системы. См.: www.libertarium.ru/1_lib_socialism2).

²⁰ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

солидарности к органической и от традиционного общества — к современному. То есть органическая солидарность строится на основе *разделения труда* и порожденных им *кооперации, взаимодополнения, взаимоусиления*.

Элементы, между которыми возникают солидарные отношения, не теряют своей индивидуализированности, разнородности и разнокачественности. Напротив, их неповторимость как раз и является основой для объединения усилий и возникновения синергетического мультиплицирующего эффекта.

Солидаризм основывается на принципе согласования индивидуальных и общих интересов, поэтому он отвергает и либеральный индивидуалистический эгоизм, и тоталитаристский коллективистский альтруизм. Его нередко ошибочно отождествляют с идеологией и практикой европейских тоталитарных режимов первой половины XX в. — фашизмом Муссолини, национал-социализмом Гитлера, фалангизмом Франко и т. п., в которых была задействована концептуальная основа корпоративизма. Однако квази-солидарность в 1920–1930-х гг. в коммунистическом Советском Союзе, а также в национал-социалистической Германии, фашистских Италии, Португалии, Австрии, Румынии и других европейских странах с похожими режимами строилась на тотальном подчинении, принуждении, а часто — унижении человека. Говорить об использовании солидаристских идей и установок коллективного сознания идеологами и практиками фашизма, национал-социализма и советского коммунизма можно лишь, имея в виду феномен механической солидарности. Да и то механическая солидарность религиозного типа предполагает добровольную лояльность индивида, тогда как в тоталитарном обществе речь идет о вынужденной и навязанной «сверху» форме солидарности. С точки зрения тоталитарных идеологий граждане являются деиндивидуализированными объектами управления, лишенными какой бы то ни было субъектности и самодостаточности, а навязываемая им вла-

стью механическая солидарность является формой лояльности правящему политическому режиму.

Для органической солидарности принципиально важна категория *свободной лояльности* — это когда гражданин готов добровольно придерживаться определенной модели поведения, связанной с частичным ограничением собственного произвола, но крайне актуальной для общего интереса и общего блага. Русский философ Иван Ильин определяет свободную лояльность как основополагающее качество социальной идентичности: «Настоящее государство держится не принуждением и не страхом, а свободной лояльностью своих граждан — их верностью долгу; их отвращением к преступности; неподкупностью чиновников; честностью судей; патриотизмом избирателей; государственным смыслом парламентариев; гражданским мужеством писателей и ученых; инициативной храбростью и дисциплиной солдат. Все это не может быть заменено ничем. Человек есть самодеятельный волевой центр, субъект права, а не объект террора и эксплуатации. Он должен строить себя сам, владеть собою, управлять собою и отвечать за себя»²¹.

По отношению к современному развитому обществу можно говорить исключительно об органической солидарности, которая основана на субъектности, разнокачественности участников социальных отношений и разделении труда. Однако во многих вполне успешных с экономической точки зрения азиатских странах (Китай, Южная Корея, Япония) власть пытается навязывать формы механической деиндивидуализирующей солидарности. В менее развитых странах (Северная Корея, Туркменистан, Казахстан) авторитарный либо тоталитарный режимы строятся на еще более жесткой форме «солидаризации сверху», при которой идея солидарности нередко оказывается полностью извращенной.

²¹ Ильин И.А. О свободной лояльности // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 229.

Идеологи солидаризма на всех этапах его становления подчеркивали, что актуальной задачей является не строительство рая, а недопущение ада, не столько борьба со злом, сколько созидание добра. Поэтому солидаризм — это не идеократия²², это теория не «идеального», а «хорошего» общества, «общества блага», в котором разработаны механизмы и институты согласования интересов и ценностей всех участников социальных отношений²³. Подобные интенции солидаризма являются определенной гарантией от перерождения этой идеологии в тоталитарную идеократическую утопию, коих в постсоветской России возникло немало, причем возникло из самых благих побуждений и на самых «духовно-религиозно-патриотических» основах.

Типы и уровни социальной солидарности

Одна из важных проблем солидаризма связана с определением сфер, в которых устанавливаются солидарные отношения. Любой аспект идентичности человека, коллективного субъекта либо государства может стать основой для солидаризации — с носителями такой же или близкой идентичности против носителей иной. Представляется оправданным говорить о солидаризации на основе интересов, ценностей и институтов.

Солидаризация может быть гражданской, социально-политической, экономической, профессиональной, сословно-кастовой, имущественной, образовательной, культурной, языковой, этнической, цивилизационной, расовой, гендерной, региональной, а также экзистенциальной.

²² О чуждости солидаризма идеократии говорит и С.А. Левицкий. См.: *Левицкий С.А. Солидаризм и демократия // Левицкий С.А. Указ. изд. С. 286.*

²³ Содержательные попытки философского обоснования «хорошего» общества представлены в одноименных книгах Джона Гэлбрейта и В.Г. Федотовой. См.: *Galbraith J.K. The Good Society: The humane agenda. Boston-N.Y., 1996; Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.*

Среди уровней солидарности можно назвать следующие:

1. **Общегражданская (общенациональная) солидарность (солидарность политической нации):** развивается при помощи символического и культурного ряда (гимна, герба и иных символов государственности), национальной идентичности, национальной культуры, национального информационно-коммуникативного поля. Сюда же относится общегосударственная солидарность различных регионов страны.

2. **Этническая, этнокультурная, языковая, расовая, конфессиональная солидарность:** развивается по аналогии с общенациональной солидарностью, однако границы солидаризируемых сообществ могут не совпадать с государственными (например, общенациональная солидарность объединяет всех россиян как граждан России, тогда как этнокультурная — всех великорусов, живущих как в России, так и за ее пределами, конфессиональная — всех православных во всем мире и т. д.).

3. **Локальная, региональная, субэтническая солидарность:** проявляется в культурных и в политических аспектах — в сепаратизме, в требованиях автономизации региона либо федерализации страны.

4. **Гражданская солидарность граждан и общественных организаций как членов гражданского общества:** реализуется в создании системы негосударственных структур, обладающих социальной субъектностью и возможностью влиять на государство и государственную политику. Гражданское общество выстраивается именно как самоорганизующийся механизм солидаризации и согласования частных интересов.

5. **Повседневная солидарность граждан:** проявляется, в том числе, против государства, его органов и представителей.

6. **Трудовая солидарность работников и работодателей:** реализуется в улучшении работодателем условий труда, в увеличении зарплаты, в распределении среди них части прибыли.

7. **Профессиональная (внутриотраслевая) солидарность:** реализуется в создании профсоюза, готового отстаивать, за-

щищать и лоббировать профессиональные и трудовые интересы перед государством. При этом работодатели и работники солидаризируются против государства.

8. Классовая солидарность: реализуется путем создания политического субъекта (партии, движения), готового выражать и отстаивать классовые интересы — вплоть до вхождения во власть или даже захвата власти.

9. Кастово-сословная солидарность: проявляется в иерархичном построении общества, в параллельном существовании нескольких «этажей» культуры, в разнообразии этических норм, характерных для разных сословий.

10. Историческая солидарность: проявляется в культивировании связи народа с будущими и прошлыми поколениями, в так называемой политике памяти, основанной на идеологически мотивированной интерпретации исторического процесса и системе представлений об «общем прошлом».

11. Цивилизационная солидарность страны с иными странами, принадлежащими к одному цивилизационному ареалу: реализуется в создании экономических и политических блоков и союзов, в объединении усилий на международной арене — включая взаимную поддержку в международных организациях, в отказе воевать друг с другом, в отказе интриговать друг против друга, в предоставлении друг другу экономической и военной помощи на льготных условиях.

12. Экзистенциальная солидарность — «сотворчество» (синергия) человека и Творца, а также соборность как единство членов церкви во Христе: реализуется в духовных практиках и культурной сфере.

Одна из актуальных проблем современного солидаризма заключается в построении адекватной иерархии, в которой преодолевались бы противоречия между различными типами солидарности — скажем, разрешался бы классический для Нового времени конфликт между социальной и национальной (этнокультурной) солидарностями.

С проблемой иерархии солидарностей связан самый сложный вопрос в солидаризме — о гражданском обществе как механизме солидаризации и согласования интересов.

Представляется, что на современном этапе развития солидаризм имеет большой арсенал интеграционных и когнитивных механизмов: во-первых, социально-экономического характера (налоговая политика, профсоюзы как посредники между работниками и работодателем, социальные гарантии государства, точечное вмешательство государства в экономику, государственное финансирование целевых проектов); во-вторых, политического характера (технологии «мягкой власти» и рефлексивного управления, технологии самоорганизации, широкий инструментарий разрешения социальных конфликтов — например, технология нарративной медиации); в-третьих, ценностного характера (этика ненасилия и «запрета зла», социальное доверие, свободная лояльность). Если в эпоху Модерна предполагалась интеграция и солидаризация интересов на основе институтов, то в нынешних условиях речь может идти об интеграции на основе и институтов, и ценностей одновременно.

Проблемы солидаризма в России

При всей любви русской культуры к солидаризму, при детальной разработанности темы «солидарности в Духе» в русской философии, для российской политической культуры эта тема остается маргинальной. Российская власть всегда настороженно относилась к попыткам общественной самоорганизации; о возможности солидарности между государством и обществом, между властью и народом речь вообще никогда не шла — ни в царской России, ни в России советской, ни в России постсоветской. Жестко централизованное авторитарное государство исторически выступало субъектом мобилизации населения, но не ядром его солидаризации. Более того, нередко оно выступало объектом, про-

тив которого население консолидировалось. Представление о том, что государство — враг, что от него ничего хорошего ждать не стоит, — одна из констант российского сознания и российской политической культуры. Солидарность против государства — это был главный механизм колонизации и заселения азиатской части России: социально активные люди убегали от государственного произвола в Сибирь, на Урал, на Дальний Восток, а также на Дон и на Северный Кавказ, а государство их догоняло и брало под свою опеку, раздвигая таким образом имперские границы.

Особенность устройства российского общества и политической системы заключается в специфической природе власти, которая является единственным субъектом и монополистом управления. Это ставит под сомнение перспективы солидаризма и как идеологии, и как политической философии. В России возможна солидарность на уровне локальных групп, но не в отношениях с участием государства. Солидаристская риторика и идеологемы могут использоваться государством (властной корпорацией) в утилитарных пропагандистских целях (уменьшение протестных настроений, мобилизация вокруг власти и главы государства персонально), однако на практике солидарность подменяется авторитарным патернализмом.

Солидаризм предполагает взаимодействие на основе разделения труда, т. е. на основе разделения субъектных функций. Однако первым делом он предполагает наличие субъектности у всех участников отношений.

В нынешней России солидаризм едва ли может стать политической программой провластных политических сил либо либеральной оппозиции. Хотя первыми он может быть воспринят как технология по дополнительной легитимизации политического режима — что-то вроде «народности» из знаменитой уваровской триады, вторыми — как технология антикремлевских выступлений. Но, как нам представляется, у солидаризма есть возможность продуктивной востребо-

ванности: он может стать мировоззрением и мегаидеологией амбициозных контрэлит — в частности, т. н. креативного класса. К нему можно отнести активных, субъектных людей, занятых преимущественно в нематериальном производстве, науке и бизнесе, создающих «очаги развития» и инновации, от которых на сегодняшний день зависит внутренняя и международная конкурентоспособность России.

Но креативный класс в силу своей природы стремится к самоуправлению, самоорганизации и саморазвитию. Вопрос заключается в том, готова ли власть ради высоких целей — ради модернизации страны и повышения ее конкурентоспособности в мировом контексте — признать за представителями креативного класса субъектность, не нарушать ее и создавать условия для синергетического эффекта от взаимодействия этого амбициозного сообщества и государства? Либо власть, как это неоднократно бывало в российской истории, боясь потенциальных конкурентов и опасаясь за свое будущее, «сольет» субъектность амбициозных классов, превращая их представителей в «лишних людей»?

SWOT-анализ концептуальных ресурсов солидаризма

Концептуальные и технологические перспективы солидаризма было бы уместно рассмотреть с точки зрения соотношения факторов силы, слабости, возможностей и угроз — при помощи матрицы «качественного стратегического анализа» (SWOT-анализа). Этот метод перспективен для построения стратегии эффективного развития, ориентированной на *генерирование смыслов и активных действий*, а не на изначально проигрышный тип реактивного ответа на внешние вызовы.

Сила (Strength) — преимущества субъекта

Идеология солидаризма способна дать ответы на сложные вызовы нынешней эпохи, касающиеся социальной орга-

низации, — в условиях возросшей социальной мобильности индивида, гибели модернистских ценностей и институтов, становления постиндустриального общества и т. д.

Идеология солидаризма исходит из предпосылки субъектности всех участников социальных отношений, поэтому позволяет создать модель социальной самоорганизации — синергетического сосуществования и взаимодействия индивидов, классов, корпораций.

Идеология солидаризма свободна от принуждения, она исходит из приоритета технологий «мягкой власти» (soft power) над традиционными технологиями «жесткой власти» (hard power). Солидаристский дискурс, идеи социальной солидарности и «солидарности в Духе» можно рассматривать как «мейнстрим» отечественной философской и культурной традиции («сродный труд», «соборность», «всеединство», преобразование, взаимопомощь, кооперация, разделение труда).

Солидаризм по своей природе не является жесткой идеократией, но при этом имеет духовно-нравственный мировоззренческий фундамент.

Солидаризм дистанцирован от новейших российских идеократических тоталитарных утопий (неоевразийства, «византизма», «политического православия», «атомного православия», «новой опричнины» и др.).

Исторически сложившиеся традиции и механизмы социальной солидарности «против государства». Опыт «убегания» общества от государства.

Солидаризм существует и в экзистенциальном, и в социально-технологическом измерениях: солидаризм-как-соборность и солидаризм-как-взаимопомощь.

Слабость (Weakness) — недостатки субъекта

Недостаточная индивидуализированность и узнаваемость солидаризма как самодостаточного социального учения (нередко его смешивают с социал-демократией, ита-

льянским фашизмом или немецким национал-социализмом, считают «гибридной» идеологией).

Отсутствие у солидаризма четко определенного собственного места на «карте» политических идеологий — среди консерватизма, либерализма, социализма, социал-демократии и др.

Длительные временные перерывы в активном развитии солидаристских учений.

Распространенные ошибочные представления о солидаризме как идеологии тоталитарного либо авторитарного типа.

Плохая совместимость российской политической культуры, основанной на моноцентризме власти, и идей солидарности, предполагающих субъектность всех участников социальных отношений.

Недостаток межличностного доверия, атомизированность современного российского общества.

Недостаточная разработанность концептуальных категорий солидаризма в целом, недостаточная разработанность критериев разграничения свободы индивида и общественных интересов в частности.

Недостаточный интерес к солидаризму со стороны политического и интеллектуального сообществ в современной России (интерес к солидаризму и неокорпоративизму в Украине, Беларуси и Казахстане заметно выше).

Возможности (Opportunities) — благоприятные факторы внешней среды

Востребованность солидаристских этических ценностей в современной России и мире.

Солидаризм способен стать эффективной идеологией инновационной модернизации в современной России.

Высокий мобилизационный потенциал — солидаризм может стать мировоззрением креативного класса — основного субъекта инновационной модернизации.

Концептуальные предпосылки и основы солидаризма способны на теоретическом уровне подойти к решению

вопросов — о социальной справедливости, справедливом распределении государственной ренты, государственной идеологии нового типа, полиархии, креатократии как политическом режиме.

Солидаризм позволяет снизить уровень классовой борьбы и классовых противоречий путем конвергенции интересов. Становится возможным преодолеть непреодолимые для социал-демократии и либерализма противоречия между трудом и капиталом — между интересами работников и работодателей.

Создает концептуальный и социальный потенциал для развития «хорошего» общества.

Угрозы (Threats) — противодействие внешней среды

Под видом солидаризма и теории самоуправления в информационном пространстве могут продвигаться антигосударственные идеи, идеи дезинтеграции Российской Федерации.

Современное Российское государство и российские элиты, участвующие в распределении нефтегазовой экспортной ренты, не заинтересованы в развитии субъектности внеэлитных слоев и в солидаризации общества вокруг общенациональных интересов.

В современной России риторика и концептуальный аппарат солидаризма могут быть использованы государством в корыстных целях — для повышения собственной легитимности и углубления односторонней лояльности внеэлитных слоев (народа).

Дезинтеграция креативного класса как наиболее склонного к солидаризму социального слоя, недостаточность условий и предпосылок для его консолидации.

Таким образом, классический солидаризм и его современные модификации, определяемые нами как новый солидаризм (неосолидаризм), могут рассматриваться как перспективные

концепции, созвучные вызовам новой постиндустриальной эпохи, эффективно вписывающиеся в социо-культурные параметры восточнохристианской цивилизации и способные стать мировоззрением и стратегией амбициозных классов — «моторов» российского развития.

Солидаризм, ориентированный на субъектность всех без исключения членов общества, — это идеология совместного прорыва, совместной творческой эволюции. Это угроза сложившемуся в обществе порядку вещей и отношений, но одновременно это шанс на развитие, это билет в будущее. Время покажет, способна ли эта возможность превратиться в актуальную реальность, и достаточно ли у солидаризма творческой энергии, чтобы модернизировать и преобразить Россию.

Вопросы к докладчику и ответы

А.И. Неклесса

Позвольте мне совершить интервенцию в ход семинара. Докладчик затронул весьма актуальную и, одновременно, болезненную проблему современности. Болезненную также и для России. Национальное государство как социально-политическая форма организации народов прошла определенный исторический путь или, как прозвучало в докладе, «прошла через немецкую, итальянскую политическую теорию»... Но немецкая и итальянская политические теории солидаризма — это корпоративизм. Простой перевод слова «солидаризм» на итальянский язык — это «фашизм». Мы знаем и русскую версию — идеологию ячеек Народно-трудового союза.

Что я хочу сказать? Солидаризм — это не просто солидарность (скажем, солидарность населения), но более сложное явление, включающее солидаризм институциональный: государства, бизнеса, профсоюзов, опровергающий демократию в пользу социальной инженерии — своеобразного номенклатурно-партийного выражения олигархизма в эпоху «революции масс». В различных модификациях эта формула социальной и политической организации присутствовала в XX в. в различных странах и на разных континентах.

Что же касается креативного класса, то здесь также можно уловить претензию на новую формулу олигархического господства. Солидаризм в этих формах резко разнится с другой формой солидарности — той, которую излагал Прудон, когда говорил о «свободной ассоциации». Очевидно, что это весьма разные концепции. Если в одном случае речь идет об уничтожении государства как средства господства, замене его свободными ассоциациями, то в другом — о союзе государства с амбициозными и влиятельными группами (напо-

добие корпоративной государственности). Другими словами, мы наблюдаем формирование неокорпоративизма в виде государства-корпорации, где демократическая социальная структура обращается в своеобразную пирамиду, и отношение к народу оказывается сродни отношению руководства корпорации к ее сотрудникам.

Прошу прощение за эту интервенцию, но хотелось бы сразу обозначить некие «болевые точки» темы солидарности в ипостаси солидаризма.

А теперь, переходим к вопросам.

Вопрос (Г.Г. Малинецкий):

Огромное спасибо за Ваш доклад. Не лъщу себя надеждой понять его, потому что после Вашего доклада я стал понимать еще меньше, а после выступления А.И. Неклессы это ощущение только усилилось.

У меня совсем простые вопросы. Первое. Вы исходили из того, что индивидуальная мобильность в современном мире стала значительно больше, чем раньше. На мой взгляд, все ровно наоборот: каждый человек стал прозрачен. Когда у вас включен мобильник, ваши координаты известны с точностью до полуметра. О многом могут сказать ЖЖ в Интернете и т. п. Что же Вы имеете в виду?

Ответ (А.Н. Окара):

Разумеется, современное общество можно, во-первых, зомбировать при помощи телевизора, СМИ, Интернета и прочих информационных каналов, и осуществлять это с большей успешностью, чем в прежние эпохи. И, во-вторых, электронные устройства делают прозрачной и, стало быть, уязвимой жизнь любого человека — как мы помним, Джохара Дудаева убили, ориентируясь на сигнал его спутникового телефона. Все, нет места на Земле, где можно укрыться и отсидеться. И еще непонятно, к каким последствиям может

привести распространение популярной нынче технологии «электронного правительства».

Но я говорю совсем об ином: сейчас у человека реально увеличилось пространство личного жизненного выбора — каждый сам может выбирать и моделировать именно ту жизнь, которую он хочет. При советской власти человек после школы шел на «завод» (или, в случае ИТР, сначала в институт, а затем уже — на «завод»), потом — на пенсию, еще позже — на кладбище. Здесь «завод» — понятие условное. Речь идет о «заводе» как о большой социальной корпорации, в которой очень жестко регламентировался и труд, и отдых, и весь набор жизненных возможностей. При этом государство и «завод» обеспечивали вполне реальный и примерно одинаковый для всех уровень социальных гарантий. Ну, а если ты не работаешь — могли привлечь и даже посадить за тунеядство.

Это ни плохо и ни хорошо, это характерно для патерналистского государства индустриальной эпохи. Но в таком государстве бремя выбора с самого человека по возможности снимается. Теперь же это бремя выбора возлагается на каждого из нас: мы стали минимально зависеть от государства, начиная с выбора страны проживания. В этом некоторым образом тоже проявляется наша субъектность и самодостаточность как возможность по своему усмотрению строить свою судьбу. Правда, если при советской власти необходимо было отстаивать свое право на свое же жизненное время (и даже право на тунеядство), то теперь, при нынешнем уровне безработицы и деиндустриализации возникает вполне реальная проблема найти работу.

Г.Г. Малинецкий:

Второй вопрос. Я буду следовать логике С.С. Сулакшина. Солидаризм является технологией построения «хорошего» общества. Я бы хотел, чтобы Вы дали определение каждого слова: что такое «солидаризм»? Что такое «технология»? Что такое «хорошее общество»?

А.Н. Окара:

Солидаризм — социальный порядок, основанный на солидарности участников общественных отношений. Можно рассматривать солидаризм как: 1) политическую идеологию, 2) политическую философию, 3) политэкономическую теорию, 4) философию права.

Генрих Пеш (начало XX в.) определил солидаризм (от франц. *solidarite* — общность интересов, единоклассники) как «социальную систему, которая придает подлинное значение солидарному объединению людей, таких как члены природного сообщества, начиная от семьи и кончая государством». Другими словами, речь о социальной системе, которая по своей гармоничности напоминает живой организм.

Я бы определил солидаризм как социальную систему, в которой члены общества (граждане, семьи, этносы, этнокультурные группы, религиозные конфессии, социальные группы, политические партии, бизнес-корпорации и проч.) обладают реальной правовой и социально-политической субъектностью, на основе чего их права и интересы могут быть консолидированы и солидаризированы — в том числе, и с интересами государства. Солидаризм отвергает как либеральный индивидуализм, так и тоталистский эгалитаризм, стремясь породить собственную онтологию и антропологию.

«Хорошее общество» в американской социологии — к примеру, в книге Джона Гэлберта «The Good Society» (1996) — это эффективное современное общество, в котором согласованы различные интересы, нет пропасти между различными классами и социальными группами и где просто можно жить и считать себя счастливым в социальном отношении человеком. Но это именно реальное, реализуемое, достижимое хорошее общество, а не утопическое и недостижимое идеальное.

Технология — это приемы, модели, действия, определенная последовательность и дозированность которых дает возможность достичь требуемого результата безотносительно к личности субъекта. Результат получается как бы сам собой.

Скажем, есть технология промышленного изготовления колбасы. И не надо быть хорошим поваром, чтобы ее разработать, необязательно экспериментировать с мясом и перцем: все уже давно придумали и описали без нас. Надо только придерживаться описанной технологии и не заменять мясо соей. И так во всем — вплоть до политических, гуманитарных и когнитивных технологий. Не всегда технологии срабатывают — тогда необходимо «ручное управление», т. е. индивидуальный подход. Но многие социальные процессы достаточно технологизированы — например, говоря о солидарности, необходимо вспомнить профсоюзные движения.

По поводу построения солидарного государства и общества: лично я имею представление о том, какова должна быть логика их построения, что и как надо делать для того, чтобы были не просто словеса, а реально работающие проекты.

Г.Г. Малинецкий:

Это что, долго? Или невозможно? Что надо делать? Это не прозвучало.

А.Н. Окара:

Если говорить о внедрении самой солидарной социальной модели, то это может быть сложный и многоуровневый переговорный процесс между заинтересованными инициативными группами — представителями того самого креативного класса, о котором я говорил, и властью, т. е. административными элитами и даже Кремлем. Опора на носителей верховной власти необходима (точнее, необходимы гарантии от них — чтобы разнообразные «охранители» и борцы с «политическим экстремизмом» не свернули проекту голову еще до старта).

Необходимо создать общественное движение (лучше, конечно, создать политическую партию, но в наших условиях это нереально), которое провозглашает себя выразителем воли амбициозных классов, нацеленных на инновационную

модернизацию России, и является площадкой согласования, консолидации и лоббирования их интересов. Ну, и главными программными идеями такого движения могут стать солидаризм и инновационная модернизация.

Вопрос (А.В. Шубин):

Прежде чем задать свои вопросы, я хотел бы частично не согласиться с А.И. Неклессой. В докладе было изложено очень много благих пожеланий, полностью соответствующих и прудонизму, и социал-демократии. Свобода и солидарность — просто постулаты анархизма и близких к нему течений социализма, таких как прудонизм и народничество.

Первый мой вопрос. Чем изложенное качественно отличается от социализма, от социал-демократии, которая себя презентует как место согласования интересов амбициозных классов? Что же солидаризм, в понимании докладчика, унаследовал от полуфашистского солидаризма, который мы знаем исторически? Это НТС, Ильин и др.? Почему это нужно называть солидаризмом?

Второй вопрос примыкает к тому, о чем спрашивал Г.Г. Малинецкий. Вы остановились на самом интересном месте — технологии. От того, что кто-то поговорит с Президентом, новое общество возникнуть не может. Социализм, который Вы, видимо, считаете утопией, или какие-то другие концепции как-то реализовывали свой проект, к чему-то пришли. Здесь полностью отсутствует именно механизм реализации — как дойти из пункта А в пункт Б?

И последний вопрос: а как поступать с теми, кто не проявит добровольную лояльность? Солидаристы знали ответ на этот вопрос, но докладчик отрицает их методы. Мне показалось, что вначале речь шла о солидарности всех, а затем о солидарности избранных, креативного класса, под которым понимается даже не вся интеллигенция. Это тяготеет к олигархии. Хотелось бы понять: солидарность всех или нет? От этого будет зависеть отношение к самой концепции.

И совсем уже последний вопрос, который был спровоцирован апелляцией к советскому обществу как альтернативе этой системы. Как приведенный путь — школа, институт, фабрика, пенсия, могила — будет выглядеть в будущем обществе?

Ответ (А.Н. Окара):

Действительно, на первый взгляд между солидаризмом и социал-демократией много общего. Считается даже, что слова «солидаризм» и «социализм» ввел в широкий оборот один человек — философ-утопист и сен-симонист Пьер Леру.

Солидаризм как таковой отличается от социал-демократии как таковой (т. е. речь идет о неких усредненных и наиболее репрезентативных вариантах каждой из этих двух идеологий) тем, что, во-первых, солидаризм выступает за примирение интересов работодателя и работника, за взаимные уступки сторон, против классовой и сословной вражды, тогда как социал-демократия — исключительно на стороне работника и за развитие классового конфликта. Во-вторых, именно поэтому солидаризм в идеале — это эволюционный путь развития, тогда как социалисты и социал-демократы изначально выступали за социально-политическую революцию. В-третьих, идеолог НТС Сергей Левицкий также отмечает, что солидаризм имеет религиозные корни и является социальной проекцией христианского мировоззрения (поэтому сегодня он продолжается в христианско-демократических партиях Европы), тогда как социализм и социал-демократия изначально развивались как антирелигиозные учения. В-четвертых, социал-демократы изначально также проповедовали коллективизм и альтруизм (либералы — индивидуализм и эгоизм), тогда как солидаристы говорили о гармонии частного и общественного. В-пятых, идеология солидаризма свободна от духа принуждения, который господствует в социализме и в меньших дозах присутствует в социал-демократии. Повторяю, это общие тенденции двух идеологий. Мне кажется,

что солидаризм и социал-демократию гораздо больше чего объединяет, чем разъединяет. Особенно в части, конечно же, левого социально-экономического мировоззрения.

Теперь о фашизме и солидаризме. Тот вид интеграции, который Дюркгейм называл механическим солидаризмом, т. е. консолидация людей на основании общей для всех идентичности, а не по принципу собственной уникальной индивидуальности, — это и есть основа любого тоталитаризма либо авторитаризма, в том числе, фашизма.

Но лично я не рассматривал бы политическую практику итальянского фашизма и германского национал-социализма в качестве примера даже механического солидаризма. Хотя, конечно, режимы Муссолини, Гитлера, Франко брали на вооружение определенные идеи солидаристов. И именно этим объясняется негативный образ солидаризма, поскольку его часто связывают прежде всего с этими режимами. Но сами теоретики солидаризма отмечали, что это к солидаристским теориям не имеет отношения.

Однако сегодня уместно говорить о неосолидаризме — об органическом солидаризме по Дюркгейму. И с этой точки зрения для нашей темы по большому счету неактуально ни наследие фашистской Италии, ни методы, которые пропагандировал НТС. Они являются не главными, а маргинальными предшественниками и источниками современных солидаристских концепций, идей и мировоззрений.

И последнее — о том, как жизненный путь среднестатистического человека (школа — институт — фабрика — пенсия — могила) может выглядеть в будущем обществе. Надеюсь, что все названные этапы жизненного пути сохранятся. То есть среднее образование останется всеобщим, качественное высшее (а не торговля дипломами) — массовым, научная карьера — востребованной, и государство не откажется от пенсионных обязательств — как это сделал в свое время Туркменбаши. Но увеличится реальный выбор: в какой стране жить, в какие институты поступать, сколько иметь высших образова-

ний, где работать, на каких условиях и чем заниматься, быть ли наемным работником или бизнесменом-работодателем и вообще — работать или не работать, какого типа получать пенсию и проч., и проч. Хорошо это или плохо, будет ли подобное расширение возможностей при уменьшении гарантий со стороны государства содействовать общественному развитию — пусть каждый решает сам. Мне — человеку, окончившему университет уже после распада СССР, — кажется, что это хорошо и что будет содействовать развитию.

Что делать с теми, кто не солидарен? В тоталитарном обществе вопрос решался просто: несолидарные — предатели, их к стенке или в ГУЛАГ / Освенцим. Сейчас, в нынешнем обществе, по отношению к которому можно говорить о повышении индивидуальной субъектности, к гражданам, которые не вовлечены в, условно говоря, общественный договор, никаких мер принуждения не может и не должно быть применено. Те, кому неинтересно «общее дело» или же оно не кажется им привлекательным с точки зрения развития собственной биографии, могут существовать просто как граждане, никак не вовлеченные в социальную креативную деятельность. Главное, чтобы социальные институты, система социальных гарантий и вся политическая система были выстроены в соответствии с солидаристскими принципами.

Вопрос (А.В. Бузгалин):

Я с удовольствием ознакомился с докладом. Название, правда, меня несколько отпугнуло, а текст, скорее, приворожил. Его пафос — противопоставление государства и солидарности — показался мне достаточно позитивным. В этой связи у меня есть несколько уточняющих вопросов. Не кажется ли Вам, что Вы выступаете в качестве критика большинства авторов, пишущих о специфике российской цивилизации? Они как раз соединяют эти два параметра.

Второй вопрос. Сознательно или нет, но Вы ушли от социалистической, в частности, марксистской методологии,

аксиоматики при решении проблемы солидарности. Вы отвечали на похожий вопрос, но я не до конца понял Ваш ответ. И еще, считаете ли Вы, что российскому социуму, т. е. большинству его членов, на многих этапах его развития действительно присущи какие-либо из тех черт, которые приписываются как реальные российской цивилизации, — соборность, особый тип коллективизма и т. д.? Или это идеальная конструкция?

Ответ (А.Н. Окара):

Мне представляется, что главная составляющая уникальности российского исторического пути заключается в ощущении собственной исключительной исторической миссии перед лицом Вечности.

А тотальная роль государства в социальной жизни, моноцентризм власти, отсутствие гражданского общества и отношение к человеку не как к цели развития, а как к средству — нередко просто как к расходному материалу — это не уникальность, а негатив, уменьшающий креативные способности нашего народа и от этого необходимо по возможности избавляться. Амбициозные классы и личности с точки зрения подобной организации власти чаще всего рассматриваются как опасные конкуренты, в лучшем случае — как «лишние люди», обладающие «свободной социальной валентностью» и способные в критический для власти момент объединиться против нее.

По поводу марксистского дискурса при рассмотрении вопроса о социальной солидарности. Мне кажется, это отдельная достаточно интересная и обширная тема. Возможно, ограниченность марксистской методологии в данном случае заключается в экономическом детерминизме и в жесткой привязке ее аппарата к реалиям индустриального общества.

Теперь о соборности. Я предпочитаю говорить не о российской, а о восточнохристианской цивилизации — это более корректно и точно по отношению к самому понятию ци-

визации. Так вот, соборность — это не синоним «широкой славянской души», коллективизма или колхоза. В понимании Хомякова соборность — это представление о Церкви как об органическом единстве всех ее членов, позволяющем надеяться на коллективное Спасение. Но представление именно о Церкви, а не об обществе. Думаю, что хомяковскую соборность можно сравнить с механической солидарностью. Но не с органической. Возможно, поэтому солидарность можно считать социальной проекцией соборности. Но именно проекцией, а не прямым воплощением. Неуместно также говорить о соборности как о коллективизме восточнославянских народов, как то любит делать, скажем, Александр Дугин. Современный российский социум атомизирован до такой степени, что впору говорить не об общинности и коллективизме, а о каком-то патологическом антиколлективизме и паразитическом индивидуализме.

Вопрос (Е.Г. Пономарева):

Нельзя ли еще раз определить понятие «хорошего общества» в каких-то четких параметрах? Допустим, относительного прожиточного минимума, политических прав, которыми пользуются люди, и т. д. Это первый вопрос.

Второй вопрос касается следующего: не кажется ли Вам, что солидаризм и креативность — это понятия совершенно разные? Креативные люди не могут быть солидарны, потому что это настолько нетипичные субъекты, настолько они индивидуалистичны в предлагаемых идеях и способах достижения цели, что это приводит к тому, что рассматриваемые понятия оказываются совершенно расходящимися. Креативный класс, как Вы предполагаете, становится единственным руководящим центром, направляющим развитие всего общества.

И последний вопрос. Вы говорили, что специфические русские черты — соборность, общинность и т. п. — это, с одной стороны, препятствие для солидаризма, а с другой —

строительный материал этой концепции или, даже можно сказать, идеологии. Все-таки, что это — препятствие или наоборот?

Ответ (А.Н. Окара):

Под «хорошим обществом» предлагается понимать общество, которое не стремится к идеальности, которое не тоталитарно, не требует классового или иного насилия и в котором не предполагается воплощать социальные идеократические утопии. Подобное общество, с точки зрения теоретиков «идеального общества», несовершенно, зато оно основано не на антагонизме и насилии, а на согласовании интересов. Необязательно, что такое общество основано на социальной солидарности, но вполне вероятно.

Теперь о солидарности и креативности. Действительно, если собрать двух-трех творческих людей и предложить им что-то совместно создать, это будет непростая задача — каждый из них сам себе субъект, автор, демиург, творец, режиссер. Речь не о том, чтобы креативных людей заставить шагнуть в одном строю, а о том, что необходимо создавать механизмы и институты консолидации их социальных интересов и интересов государства. В современном мире конкурентоспособность страны обеспечивают прежде всего человеческий капитал и креативный ресурс. Иначе говоря, речь вовсе не о том, чтобы из великих певцов создать хор, а о том, чтобы эти певцы, условно говоря, состояли в одном профсоюзе, который отстаивал бы их интересы перед руководством театра. И это, в свою очередь, способствовало бы развитию популярности — и самого театра, и оперы как жанра.

Теперь еще раз об общинности и соборности. Думаю, что экзистенциальный опыт православной соборности теоретически мог бы стать эффективным условием для развития солидарных отношений в условиях российского общества. Проблема лишь с самой соборностью в условиях пострелигиозного общества. С общинностью, если под ней понимать

опыт крестьянской общины и советского колхоза, — сложнее. Думаю, моделью солидарного сообщества является не крестьянская община и не колхоз, а артель. В советский колхоз, как и в дореволюционную общину, попадаешь по факту рождения, а артель — это добровольное объединение людей, имеющих общие цели и общий интерес. Отсюда также круговая порука, солидарная форма ответственности и участие в общих доходах.

Увы, Российское государство относится к людям как к расходному материалу. Это особенность нашей политической культуры. И это — тормоз для развития солидарности между государством и обществом. Но, с другой стороны, это неплохой стимул для развития внутригрупповых видов солидарности и самоорганизации.

Государство максимально десубъективизирует, т. е. лишает субъектности, реальных или потенциальных субъектов, а потом оказывается, что получившаяся серая социальная масса вообще не способна никак взаимодействовать с государством.

Вопрос (Б.В. Межуев):

Первый вопрос: в чем смысл использования явно нелиберального термина «солидаризм»? Этот термин имеет определенный шлейф ассоциаций с НТС, с фашизмом и т. д. Зачем использовать этот термин, понимая под ним проведение таких идей, под которыми не всякий либерал подпишется, когда креативный класс должен объединиться и заявить государству о своих правах. На мой взгляд, это какой-то либерал-индивидуализм какой-то. Возникает явный когнитивный диссонанс, который в большей степени и является источником недоразумений.

Второе. Если это все же так, то почему не социал-демократия? Почему не гуманизаризм? Это абсолютно законный термин для сочетания каких-то либеральных приоритетов с социальной интеграцией.

Третий вопрос: предполагается только одна солидарность — этих креативных особей между собой — или же речь идет о солидарности этих креативных особей с большей частью населения? Тут происходит какая-то явная подмена. Если речь идет о последнем, то можно ли действительно обойтись без принуждения? Вообще говоря, креативных особей надо принуждать к солидарности с некреативными особями. Как тогда быть? В этом случае элемент насилия куда-то исчезает, а он, на мой взгляд, все-таки должен иметь место.

Ответ (А.Н. Окара):

Я думаю, что с точки зрения политтехнологий и продвижения брендов термин «солидаризм» и соответствующий концепт вполне эффективны и не имеют жесткой привязки к истории европейского фашизма. Почему Муссолини? Почему не Дюркгейм? Почему не представление о том, что капиталист должен делиться прибылью с наемными работниками (а не только зарплату им платить)? Это тоже солидаризм, и никакой связи у этих идей конца XIX в. с фашизмом нет. Мне кажется, «солидаризм» и «солидарность» и в русском, и в английском, и в других европейских языках имеют хорошую энергетику и положительные коннотации. Мне кажется, что в современном словоупотреблении «солидаризм» и «солидарность» несут на себе представление о субъектности и самодостаточности солидаризируемых элементов. Поэтому в смысловом контексте солидарность связана с синергетическим эффектом, с сотворчеством, с ситуациями, в которых выигрывают все, пусть и в разной степени.

В современном обществе эта субъектность (или несубъектность) не является раз и навсегда предопределенной социальным образом — она предопределяется на индивидуальном уровне, поэтому каждый человек может сам определять меру своей социальной субъектности. Разумеется, в солидарном государстве насилие никуда не исчезает, не исчезает

и государственный аппарат. Просто государство исходит из совсем иной заданности: оно должно стать субъектом социального развития, а не просто механизмом социального насилия либо корпорацией по экспорту углеводов.

Как мне представляется, солидарность креативных людей — это вовсе не то же самое, что солидарность богатых или сильных. Креативность — это такой неотчуждаемый и при этом общераспространенный ресурс. Поэтому в результате консолидации креативного класса не создается никакого закрытого элитистского сообщества, в которое нет входа чужим. Вот почему применительно к креативному классу можно говорить о его ядре, полупериферии и периферии. И в зависимости от этого можно по-разному оценивать его долю в населении.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Говоря об уровне солидарности, Вы отмечаете солидарность работников и работодателей, классовую солидарность. А какие вообще для этого основания? Какие основания в условиях существования бедных и богатых, имеющих и не имеющих ресурсы, чтобы бедные полюбили богатых?

И второй вопрос. Вы используете понятие «креативный класс». А какие еще классы существуют? Каков Ваш принцип образования классов?

Ответ (А.Н. Окара):

Заставить быть солидарными работодателей и работников, т. е. заставить первых делиться прибылью со вторыми, а также заставить их создать приемлемые условия труда и эффективные социальные гарантии для вторых — вполне реально: при помощи определенной налоговой политики, при помощи политики в области бюджетирования, при помощи лоббистских технологий и т. п. Для этого есть технология лоббизма и решения этой проблемы — например, путем принятия определенных нормативных актов. Главная со-

ставляющая успеха — наличие мотивированного эффективного субъекта. Когда этих субъектов нет, то, соответственно, государство творит произвол со своими гражданами, а богатые работодатели учиняют то же самое по отношению к бедным — своим работникам.

Но, подчеркиваю, когда государство заставляет богатых работодателей делиться своей прибылью с бедными, — это никакая не патерналистская схема! Патерналистское государство, наоборот, хочет само делиться с бедными — путем перераспределения ресурсов. Например, оно говорит бедным: мол, мы вам немного увеличим пенсию, а вы должны за это нас больше любить. Но когда государством создаются условия, чтобы работодателю было выгодно делиться прибылью или повышать зарплату, — это как раз и есть один из принципов солидарного государства.

Теперь о классах. Существует несколько стратификационных принципов — принципов деления общества на классы. Например, по статусу в социальной или социально-экономической иерархии. Есть марксистско-ленинское понимание классов — по их отношению к средствам производства. Есть веберовское — по оценке жизненных шансов. В любом случае выделяются высшие, средние и низшие классы. В моем понимании, креативный класс — это люди, которые прежде всего являются субъектами социальной динамики, субъектами развития, точками роста. Его представители могут занимать и средние, и высшие ступени социальной иерархии. При этом, как мне видится, у них не возникает классовой напряженности с представителями более низких классов.

Думаю, что креативный класс уместно противопоставлять так называемому среднему классу, поскольку средний класс стратифицируется на основе социально-имущественного статуса — это прежде всего люди с определенным уровнем доходов, т. е. потребители, а не творцы. Солидарность креативного класса крайне важна для национального развития,

поскольку в условиях когнитивно-информационного общества именно эти люди создают конкурентные преимущества государства и общества в глобальном контексте.

И тут важно обозначить несколько далеко идущих перспектив.

Во-первых, в современной России потенциальный креативный класс только складывается, поэтому его можно рассматривать, в том числе, и как поколенческую идентичность. Старшее поколение, бывшее «мейнстримовым» в середине — второй половине 1990-х, утратило социальную энергетiku. Объективно оно уже не способно быть субъектом развития — его представители генерируют дискурс нового застоя. Нынешнее поколение «мейнстрима» может обрести свою субъектность именно на основе идентичности креативного класса.

Во-вторых, консолидация креативного класса неизменно создаст ситуацию, в которой он осознает себя главным выгодоприобретателем от модернизации, поэтому господствующую административную элиту будет воспринимать как вредного и опасного конкурента. То есть вероятно вполне классовая по сути конфликта и политическая по средствам борьба за власть. Ну, а креативный класс, объединив контрэлиту, вполне может превратиться в нового классового гегемона.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

У меня вопрос как у представителя естественных наук. Известно, что каждая развивающаяся система проходит ряд стадий, ряд фаз — фазу развития, фазу стабильности и переходные фазы. Предлагаемая Вами структура государства рассчитана на все времена и народы или на какую-то фазу? На мой взгляд, учитывать динамику фазового развития было бы весьма полезно. Кроме того, неплохо было бы определить, для какой страны предлагается такая модель и в какой фазе находится эта страна.

Ответ (А.Н. Окара):

Разрешите высказать неполиткорректное суждение. Мне кажется, что органический солидаризм, основанный на синергетическом эффекте сочетания людей с разнокачественными данными, возможен прежде всего в обществах, принадлежащих к индоевропейскому ареалу, поскольку в индоевропейских культурах человек не лишается полностью своей субъектности, чего не скажешь, например, о восточноазиатских обществах, для которых характерна жесткая иерархия. Субъектность и креативность не очень-то хорошо сочетаются с жесткой иерархичностью.

Теперь насчет фазы. Первый мой тезис был о том, что у современного человека, несмотря на весь тот колоссальный цифровой тоталитаризм и информационный контроль, которые нас сейчас окружают, жизненная субъектность объективно повышается. Человек может уехать из одной страны в другую и совершенно не думать о своем социальном статусе, как это было необходимо делать при советской власти, да и в любом модернистском, индустриальном обществе. Комплекс идей, о которых я пытаюсь говорить, ориентирован в будущее, ориентирован на круг обитания наших народов и каких-то близких к ним по своим характеристикам. Я не уверен, что, скажем, в Китае или Корее можно построить полноценное солидарное, а не тоталитарное и не авторитарное государство или общество. Солидарность создает синергетический креативный эффект, следовательно, она ориентирована прежде всего на развитие. Однако заложенные в ней механизмы консолидации интересов и самоорганизации актуальны также и в условиях стабилизационной стадии существования системы.

Реальная проблема и противоречие современной России заключаются в том, что главный вызов — отсутствие развития. И власть это очень даже хорошо осознает — отсюда и большая дискуссия о модернизации. Но при этом высшими ценностями для властной элиты остаются порядок и ста-

бильность. Это, как я уже говорил, симптоматично и можно объяснить уменьшением пассионарности доминирующих элит. Поэтому весьма красноречиво выглядит тренд «консервативной модернизации», объявленный новой идеологией «Единой России», — в нем соединились осознанная необходимость развития и отсутствие у нынешних элит излишка пассионарной энергии. В общем, получается, что главный дефицитный ресурс — это волевые и креативные качества личности, т. е. именно то, в чем проявляется человеческое богоподобие.

Представленный образ мира солидаризма имеет мало отношения к реальности

**С.Г. Кара-Мурза,
доктор химических наук**

Докладчик говорил о *солидаризме* — явлении солидарности и способах ее легитимации в разное время и в разных социальных формах. Это явление присуще всем человеческим общностям, но автор предложил весьма специфическое его понятие, в которое вместил очень маленький, даже воображаемый мир. Все остальные проявления солидарности и солидаризма выпали из этого мира. В результате, получилось так, что нужно было быть изошренным специалистом в этой области, чтобы понимать, о чем идет речь. Если отталкиваться от той реальности, которую человек знает, то каждое утверждение вызывало возражения. Сам термин — «солидарность» или «солидаризм» — употреблялся совершенно не в том смысле, в котором он употребляется в целом в обществе и культуре. Я пройду по ряду утверждений, которые взял из доклада, и скажу, с чем я здесь не согласен.

Первое утверждение, что «человек в современном мире в условиях информационно-когнитивного общества становится мобильным, самодостаточным, субъектным», — это положение апологетической футурологии постиндустриализма 1970-х гг. Уже в 1980-е гг. от этих формул начали отходить, а в 1990-е гг. стало очевидным, что эти утверждения были ошибочными.

Второе утверждение: «Солидаризм рассматривается как идеология **нового** общества, основанного на субъектности и

самодостаточности всех членов социального организма». Откуда такая странная идея? Разве в **старом** обществе не было солидаризма и солидарности? Это, конечно, не так. Более того, *не может существовать* общество без солидаризма, и не может существовать общество при самодостаточности всех членов социального организма; общество и формируется потому, что ни один человек не является самодостаточным. Он и человеком становится только в обществе. А если его в детстве украли волки — он ходит на четвереньках и воет.

Третье утверждение: «Квази-солидарность в Советском Союзе строилась на тотальном подчинении, принуждении, часто унижении человека». Это гротескное утверждение. В нем нет ни меры, ни минимального подобия реальности. Мы жили в СССР, помним.

Четвертое утверждение: «Солидарность в современном обществе может основываться *исключительно* на реальной социально-политической субъектности и свободной лояльности гражданина». По мнению докладчика, не может быть солидарности в угнетенных социальных группах, в армии, преступном сообществе, т. е. как раз в тех сообществах, которые вынуждены прежде всего прибегать к созданию социальных форм солидарности, в том числе жесткой (типа круговой поруки). В этом положении доклада нет ни логики, ни соответствия эмпирической реальности.

Пятое. Посмотрим на раздел «Логика развития солидаристских учений в XX–XXI вв.». Здесь упомянуты «американская академическая наука» и «славянские альтернативы», но нет ни исламских, ни иудаистских и сионистских учений, ни солидаризма новой китайской нации, которая и возродилась на основе специфического сложного солидаризма («Три народных принципа» Сунь Ятсена). Нет никаких других типов солидаризма, которые оказали огромное влияние на всю мировую культуру.

Шестое замечание касается раздела «Предпосылки солидаризма в России». Начинаются эти предпосылки с фило-

софа Сквороды и Бердяева. Что, не было в России других предпосылок? Разве христианизация России или большая программа Сергия Радонежского не были «предпосылками солидаризма в России»?

Седьмое утверждение: «Солидаризм в нынешних условиях — это мировоззрение и идеология амбициозных контрэлит». Что это означает? Кто конкретно в нынешних условиях является в России контрэлитой? — Каспаров? Касьянов? Лимонов?. Что, больше нигде в России нет солидаризма? Вы отрицаете, что существует «молекулярная», всеобщая сеть низовой взаимопомощи, благодаря которой Россия выжила в 1990-е гг.? Вы отрицаете ее наличие? (Я просто читаю Ваши утверждения).

Восьмое утверждение гласит: «Меняется образ эффективного государства: государство-страж, государство-бандит, государство-корпорация, государство — ночной сторож должно превратиться в государство нового типа — социального партнера». Это, на мой взгляд, карикатура на государство. Изначально государство было собирателем народа как большой человеческой общности и собирателем земель. Вы выделили такие образы государства, которые совершенно не ухватывают главной теории государства, но совершенно искажают его главные функции. Поэтому мне кажется, что тот образ мира солидаризма, который Вы строите, почти никакого отношения к реальности не имеет.

От какой солидарности мы не отказываемся?

Б.В. Межуев,
кандидат философских наук

Доклад А.Н. Окары, безусловно, заслуживает признания, в частности, как попытка постановки новой идеологической задачи. Мне кажется, что нужно подходить системно к любому идеологическому комплексу: у каждой идеологии существуют, как минимум, две стороны. С одной стороны, всякая идеология имеет определенные ценностные основания, и каждая из них должна иметь свою конкретную проектную задачу.

Понятно, что коммунизм и фашизм отличаются не только рецептами политического строительства, но и ценностями, с которыми эти рецепты соотносятся. Говоря о солидаризме, следует выделить одно и другое: и проектную задачу, которая служит для решения тех или иных проблем современного общества, и те ценности, к которым эта идеология апеллирует. И с тем, и с другим, мне кажется, есть какие-то проблемы в данном докладе и в том комплексе идей, который презентовал докладчик.

Начнем с проектной задачи. Постоянно при разговоре о солидаризме возникает ассоциация с солидаризмом 1930-х гг., либо с итальянским фашизмом. У тех идеологий была вполне очевидная проектная задача — спасти целостность общества при переходе от аграрной к индустриальной фазе, а для этого преодолеть или хотя бы в значительной степени снизить классовый, т. е. имущественный конфликт. Спасти — хотя бы физически — старые классы, но одновременно предоставить какой-то социальный люфт для новых классов. Стремлением решить эту задачу и объясняется возникновение концепции корпоративного государства, сто-

ронники которой, кстати, довольно успешно решили данную задачу в Италии, которая в ином случае, видимо, перестала бы существовать как целостное государство. Что-то похожее было и в Китае; несомненно, что-то похожее представлял собой новый курс Рузвельта.

Смысл этого солидаризма понятен: добиться того, чтобы общество все-таки представляло собой некое целостное единство, а люди смотрели друг на друга не как на врагов, а как на сограждан. Для этого требовался набор рецептов и идеологий — в том числе, не самых, честно говоря, симпатичных для нас сегодня. Какие-то из них оправдали себя, какие-то — нет. Здесь возникает вопрос: можно ли этот набор идей к чему-то сегодняшнему применить? Мне кажется, что сделать это непросто, хотя бы потому, что сегодня для России нет проблемы классового конфликта. Даже экономический кризис, который должен был как-то возбудить в России хоть какой-то элемент социального напряжения, ничего подобного не вызвал. У нас нет старых классов, которые нужно было бы спасти; нет и новых, которые стоило бы сдерживать. Совершенно непонятно, к чему тогда солидаризм применить. Как раз наоборот, нам, по идее, нужны были бы идеологии, которые позволили бы как-то оживить нашу несколько застывшую общественную жизнь.

Между тем, с левой идеологией что-то странное случилось во всем — она вообще не отреагировала на экономический кризис. Отреагировали другие — правый популизм возродился как серьезная политическая сила в США. В этом смысле солидаризм выглядит странно, потому что его проектная задача относится к другому времени и к другой ситуации.

Но в докладе Андрея Окары речь явно идет о чем-то другом. И у меня все время возникает какое-то чувство, что идеологические бренды 1920–30-х гг. используются докладчиком для продвижения либеральной повестки дня начала 2000-х гг., причем либеральной в предельно постмодернист-

ском смысле этого слова. Ему необходимо зафиксировать наличие креативного класса, который должен осознать свои классовые интересы. Затем этому классу, оказывается, необходимо навязать свою повестку дня государству, продавить общественный договор с властью таким образом, чтобы власть, условно говоря, приняла этот креативный класс в качестве контрагента и либо экономически, либо политически поделилась с ним ресурсами.

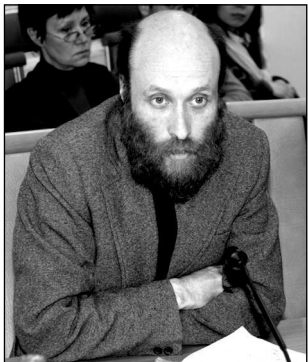
У меня возникает вопрос даже не к самой этой идее, а к инструментарию, который использует докладчик для ее продвижения. Если стоит именно эта задача, а такая задача высказывается массой народа — от Ходорковского до присутствующих здесь некоторых уважаемых коллег, — то она уже имеет какую-то определенную выраженность, в том числе, на языке политической теории и языке социальной теории. Иногда она вызывает прямой протест, потому что под этой теорией порой понимается что-то крайне элитаристское: условно говоря, государство мол должно жить для креативной элиты, все остальное — это навоз истории, который необходимо освободить от государственной опеки, а креативный класс сделать приоритетным центром внимания государства. Существуют известные социально-лоббистские группы в России, которые фактически проводят именно эту точку зрения. Но зачем нужно выражать ту же мысль на каком-то ином языке, альтернативном по отношению к общепринятому? И зачем нужно называть этот проектный комплекс «солидаризмом»?

И последнее, о чем следует сказать, это о важности одной из тем, поднимаемой докладчиком, — новом общественном договоре. Здесь есть проблемы. Конечно, общественный договор требуется. Я не знаю, как он будет сформулирован, но ясно, что существует усталость от моноцентризма российской политической системы и от ситуации, когда государство является основным, а, зачастую, и единственным источником распределения ресурсов. Столь же ясно, что государству

самому нужен кто-то, с кем оно могло бы вступать в контрагентные отношения. Возникает только один вопрос: как в этом предполагаемом договоре представлено большинство российского населения? Есть ли в России такая сила, которая это большинство представляет? Вообще, есть ли это большинство? Субъектно ли оно? Это важный вопрос. Может ли это большинство само быть не просто опорой власти, а еще и ее критиком, т. е. диктовать власти какие-то свои требования, свои пожелания?

Вопрос заключается в том, как с этим большинством должен взаимодействовать креативный класс? Должен ли он просто узурпировать интересы большинства или он должен включать в свою политическую программу его приоритеты, интересы, ценности? Если переключить несколько мифологизированную тему солидаризма на этот конкретный сюжет, который, на мой взгляд, является центральным сюжетом современной политической дискуссии, то все сказанное может обрести вес и глубину. Однако термин «солидаризм», который прямо ассоциируется с евразийским компонентом российской общественной мысли, не думаю, что он способствует осмыслению и адекватному решению тех практических задач, которые сейчас стоят перед российским обществом.

Формирующиеся манипулятивные элиты — наш главный противник

*А.В. Шубин,
доктор исторических наук*

Честно сказать, у меня вопросы были злые, а само выступление, наверное, будет доброе. Я не совсем согласен с А.И. Неклессой, когда он вначале так резко противопоставил наши с ним постпрудоновские взгляды с тем, о чем говорил докладчик. Правда, в перерыве я дал Андрею

Николаевичу Окаре два совета, которые сейчас и озвучу.

Во-первых, я ему предложил самоисключиться из этой солидаристской традиции, потому что если бы в 1930-е гг. он попал в эти круги, его оттуда немедленно изгнали бы за анархистские, социал-демократические и прочие уклоны. Он бы был даже не меньшевиком, а эсером. Солидаризм представлял собой авторитарную концепцию, к фашизму отношение было хорошее. Когда загрохотала русская канонада, к нему стали относиться плохо. Потом концепция НТС эволюционировала под влиянием либерализма, но потеряла оригинальность, они стали просто либералами и консерваторами.

Если бы А.Н. Окара назвался синдикалистом или народником, то у меня было бы меньше вопросов. Сочетание солидарности и свободы — это их идеи. Это можно прочесть у Михайловского, Прудона, Герцена и др. Было даже произнесено слово «профсоюз», что тоже апеллирует к синдикалистской традиции, а не к этатизму.

Конечно, у докладчика остается налет элитаризма. Креативный класс представляется неким собранием избранных. Наш подход основан на синтезе неонароднических и постин-

дустриальных идей, который предполагает приобщение к креативной деятельности, в том числе социальному творчеству, как можно более широких социальных слоев.

В этом отношении я не могу согласиться с С.Г. Кара-Мурзой в том, что все постиндустриальные теории опровергнуты. Установлена их крайняя неполнота. Они обратили внимание на очень интересные новые тенденции, однако они их абсолютизировали, перегнули палку. Сейчас ясно, что новые тенденции дают новые возможности как для нового манипулятивного тоталитаризма, так и для развития сетевых структур горизонтального типа. Здесь действительно много демократичного, полезного, самоуправленческого, солидарного. Кстати, «Солидарность» — это была такая социалистическая газета в России в 90-е гг.

Концепция креативного класса как новой элиты вообще не несет в себе новизны по сравнению с размышлениями об интеллигенции, из которых еще век назад выводили «новый класс», «технократия» и др. Это мало чем отличается от индустриального общества с его старыми характеристиками. Сторонники таких взглядов торопятся назвать уже существующее общество постиндустриальным, но явно торопятся. Наблюдаются лишь ростки нового общества, а его основа остается старой.

Что может быть собственно постиндустриальным? Когда снимаются противоречия между творцом и тружеником — теми, кто придумывает и воплощает. В этой ситуации не нужен и управленец, распределяющий работы. Его место занимают коммуникационные сети и самоуправление. Новый человек — *freelancer* с собственным компьютером — средство производство в собственных руках. Это пока еще только элемент нового общества, это еще не создавшаяся целостность — постиндустриального общества не существует. Когда оно возникнет, так же как и в любой формации, в нем будут разные полюса. Там будет и свой тоталитарный полюс (старший Брат смотрит на меня через видеоустройство), там

будет и сетевой полюс, а между ними — определенное противостояние и различное соотношение сил на разных этапах и в разных странах. Формирующиеся сейчас манипулятивные элиты — это наш главный противник, а сетевые самоуправляющиеся слои (мы их называем «информалиат») — это та формирующаяся социальная общность, в которой нет ничего элитарного, она открыта для всех слоев, которые готовы быть Человеком, т. е. существом творческим.

Лучшим опровержением всякой теории является возможность воплотить ее в жизнь

Е.Г. Пономарева,
кандидат политических наук

Доклад и особенно развернувшаяся дискуссия заставили меня вспомнить Оскара Уайльда, который любил повторять: «когда со мной сразу соглашаются, я чувствую, что я не прав». В данном случае — наоборот. Сегодня на семинаре нет никого, кто сразу согласился бы с докладчиком. Возможно, это как раз свидетельствует о том, что докладчик прав. Однако, как известно, лучшим опровержением всякой теории является возможность воплотить ее в жизнь. Именно по поводу «воплощения в жизнь» высказанных теоретических положений у меня и возникает ряд сомнений/размышлений.

Первое. Солидаризм, согласно логике доклада, является продуктом общества, своего рода гражданской инициативой, отражающей коренные интересы всех общественных слоев. Однако сам автор особо подчеркивает то, что солидаризм интересен и работает только в том случае, когда эту теорию/идеологию инициирует и использует государство. Государство, выступая в роли центрального института политической системы общества, объединяет, по логике докладчика, солидаризирует людей сильных, уверенных, креативных, которые являются двигателем развития. Таким образом, мы наблюдаем явное противоречие в построении концепции.

С одной стороны, солидарность трактуется как «идея снизу», как идеология всего общества, что является, по моему мнению, заведомо ложным утверждением. Вся история развития человеческого общества — и России прежде всего —

свидетельствует, что идея вызревает, кристаллизуется, превращаясь в идеологию, как сказал бы Карл Маркс, в «мысли господствующего класса», как система взглядов очень ограниченного круга индивидов, продвигающих свои (классовые) интересы. С другой стороны, солидаризм понимается как «идея сверху», т. е. именно государство рассматривается как ее (идеи) главный заказчик, разработчик и проводник. В этой связи утверждение «солидаризм — идеология нового общества, основанного на субъектности и самодостаточности всех членов социального организма, в котором инновации становятся нормой, т. к. государство зачастую выступает главным тормозом инноваций и инновационных процессов» применительно к современной России мне представляется неверным. Во-первых, потому что главным инициатором и финансистом креатива, инноваций в России является именно государство. Во-вторых, «субъектность и самодостаточность *всех* (курсив мой — Е.П.) членов социального организма» в России является утопией, идеалистическим заблуждением. В-третьих, индивиды могут быть солидарны только в постановке общих целей и решении общих задач. Гетерогенность российского социума доказывает как раз обратное: социально-экономические и политические цели у различных социальных групп кардинально противоположны.

Исходя из вышесказанного, следует признать, что солидаризм может стать идеологией, «господствующими мыслями» только в том случае, если ее будет проводить обладающее исключительными правами и ресурсами государство. Еще Джеймс Мэдисон, один из творцов американской конституции, отмечал, что основной задачей правительства является «защита процветающего меньшинства от нападков большинства», а Дэвид Юм подчеркивал, что контроль над общественным мнением лежит в основе правления — как самого деспотичного, так и наиболее либерального. Ноам Хомский справедливо дополнил эти замечания тем, что «очевидность данной закономерности гораздо более значима в либераль-

ных обществах, где подчинения нельзя достичь с помощью жестких мер». Таким образом, исключительная роль государства в претворении идеологии в жизнь в современных условиях очевидна, и не стоит обманываться способностью общества постулировать идеи.

Второе замечание продолжает первое и касается собственно *общественной* солидарности. Опираясь опять же на исторический опыт, следует констатировать, что подавляющее большинство любого общества имеет очень простые, потребительские и, как правило, эгалитаристские интересы. Солидаризм в силу объективных причин большинством общества будет восприниматься как принцип всеобщей уравнительности. В результате получится солидарность серости в противовес солидарности креативности. Кроме того, по мнению докладчика, «солидаризм — это теория не «идеального», а «хорошего» общества», «модель симфонического мира», «мира гармонии», одним из актуальных лозунгов которого является «не строительство рая, а недопущение ада». Но каков критерий «хорошести»? Как понимать ад и возможно ли создать гармонию? Например, сталинский режим многие (начиная с Григория Климова и заканчивая Збигневом Бжезинским) оценивают как сущий ад, а многие (включая Всеволода Кочетова, Станислава Куняева, Андрея Фурсова) — несмотря на множество трагических событий, как пиковую фазу развития отечественной государственности. Более того, противоречивость и сложность изложения предложенной концепции становятся серьезным препятствием для ее восприятия большинством общества. В этой связи уместно вспомнить Алексиса де Токвиля: «Сознанием людей овладевают лишь самые доступные идеи. Ложная, но ясно и точно выраженная идея, скорее овладеет миром, нежели идея верная, но сложная».

Третье замечание. Как справедливо отметил Веслав Тшакальский, «марширующие в одной колонне не обязательно направляются к одной цели». В этой связи общественная солидарность скорее симулякр, а именно — точная копия пред-

мета, подлинника которого не существует. Утопизм солидаризма особенно очевиден в свете социальной психологии и истории Бориса Поршнева и этической антропологии Бориса Диденко. Беспредельная жестокость, столь ярко и щедро продемонстрированная человечеством за время своего существования, заставляет усомниться в возможности солидарных действий индивидов. Гипотеза видовой (этической) неоднородности человечества достаточно полно отвечает на вопрос о *невозможности* солидарного человеческого общежития. Эта гипотеза предполагает, что человечество является не единым видом, а семейством, состоящим из совершенно различных — двух хищных и двух нехищных — видов.

Не вдаваясь в детали видизма (наука о видах, впервые термин «видизм» (*speciesism*) использовал биолог Ричард Райнер) отмечу, что хищные виды (Б. Диденко называет их суперанималы (сверхживотные) и суггесторы (псевдолюди) характеризуются жестокостью и хитростью. Два нехищных вида характеризуются врожденным инстинктом неприятия насилия. Диффузный вид включает людей, легко поддающихся внушению, в то время как неоантропы — менее внушаемые люди, обладающие обостренной нравственностью. Нехищным людям свойственна предрасположенность к самокритическому мышлению, не всегда, к сожалению, реализуемая. Таким образом, согласно концепции врожденных видовых поведенческих различий в человеческом семействе, человечество представляет собой парадоксальное общежитие существ несовместимо разных, от рождения наделенных диаметрально противоположными психогенетическими мотивационными поведенческими комплексами: *стадным*, точнее, *общественным* (подавляющее большинство) и *хищным* (несколько процентов). И вызвано это самим процессом антропогенеза. Причем различия эти не имеют никакого отношения к интеллекту: можно отлично играть в шахматы, а на «работе» заниматься изоощренными пытками (достаточно вспомнить блестящих интеллектуалов среди сотрудников ВЧК/НКВД). Эти

различия этические, нравственные, т. е. видовые. Так о какой солидарности, исходя из объективных эволюционных характеристик человечества, можно говорить?

И, наконец, последнее среди наиболее очевидных замечаний связано с экономическими основаниями солидаризма. Из доклада непонятно, каковы должны быть экономические предпосылки общественной солидарности. Речь идет об идеологии общества достаточно высокого уровня развития или, наоборот, солидаризм применим к обществам слабо-развитым. Современная Россия — яркий пример страны не только «расколотой» по культурно-цивилизационным, но и по социально-экономическим основаниям. Как в стране, где, по разным данным, от 2 до 10% населения присвоили себе 90% национального достояния, могут быть реализованы идеи солидарности — мне совершенно непонятно. В российских условиях говорить о солидарности всего общества нет никаких оснований. Соответственно, речь должна идти либо о солидарности 10% населения страны, либо о солидарности остальных. Так как в последнем случае этого достичь практически невозможно — солидаризм слишком мягкая и сложная идеологема, — солидаризироваться смогут только «верхи».

Несмотря на имеющийся у меня скепсис относительно солидаризма как «идеологии нового общества», следует отметить, что для построения сильного государства солидаризм представляет несомненный интерес. Остается лишь надеяться, что сильное государство станет в современной России прообразом «хорошего». Поэтому завершить свое выступление я хотела бы словами Льюиса Кэрролла из известной «Алисы в стране чудес»: «План, что и говорить, был превосходный, лучше не придумаешь. Недостаток у него был только один: было совершенно неизвестно, как привести его в исполнение».

Солидаризм, модель симфонического мира — по всей видимости, идеи превосходные. Но только совершенно неясно, как их воплотить в жизнь.

Идеи доклада могут быть адресованы посткризисному миру

*Д.С. Чернавский,
доктор физико-математических
наук*

Первое. Когда я ознакомился с тезисами, у меня на душе стало тепло, повеяло добротой.

Второе. Я согласен с Г.Г. Малинецким, но я и раньше не думал, что предложение адресуется нашему обществу.

Суть дела такова. Каждая система имеет две задачи — развитие и стабильность. Они комплементарны (т. е. дополнительные, в смысле Н. Бора) и несоединимы одновременно. Природа выходит из такого положения при помощи разделения во времени, т. е. чередования фаз. То же самое можно сказать о симфонизме. Представьте себе, есть мажор и минор, которые и образуют симфонию. Если перепутать, то получится какофония.

Обсуждение любого предложения, мне кажется, нужно начинать с адресации: к какому времени, к какой стране и к какой фазе относится данное предложение. Здесь я полностью согласен с Б.В. Межуевым. Мне кажется, что более всего предложение докладчика соответствовало бы посткризисному миру, переход к которому, согласно разным оценкам, датируется серединой XXI в. Но и тогда оно должно будет существенно дополнено и переделано.

Солидарность как утопия

В.М. Межуев,
доктор философских наук

Мне как представителю неточных наук ясно, во что упираются мои споры с представителями точных наук. Мы по-разному отвечаем на вопрос «что есть человек?». Для одних человек по своей природе — скотина, животное, которому требуется хозяин, пастух в лице Левиафана или чего-то еще. Так думал Гоббс, будучи не очень высокого мнения о человеке, но зато хорошим математиком. По-другому думал Локк, полагая что человек по природе есть общительное и доброжелательное существо. Его больше тянуло к моральным наукам. Первый прославил абсолютную монархию, второй считается основоположником либерализма.

Люди и сегодня расходятся в понимании этой проблемы. Естественники склонны видеть в человеке природное существо, которое можно точно измерить и исчислить, гуманитарии — сверхприродное, невыводимое целиком из природы. Возможно, гуманитарии при определении сущности человека пользуются неточными, с точки зрения естественников, терминами — «дух», «культура», «мораль», «свобода» и пр., но, как мне кажется, математическая точность убила бы в человеке все человеческое.

Мне представляется, что проблема солидаризма обсуждается в наше время как альтернатива частному существованию человека в мире капитала, где каждый тянет одеяло на себя. Победа частного начала во всех сферах жизни — главный итог развития всей западной цивилизации. Все концепции солидаризма возникли как протест против отождествления индивида с буржуа, живущим своим частным интересом. Если человек — существо общественное (а это вряд ли можно оспорить),

то концепция солидаризма, как я ее понимаю, это еще одна попытка ответить на вопрос, в чем состоит его общественная природа. Ответив на него, можно ответить и на все остальные.

Что действительно можно противопоставить частному, приватному существованию людей? Какой другой образ жизни? Тождественно ли общественное частному, как полагают все либералы, или оно имеет другую природу? И в качестве кого люди испытывают чувство солидарности друг с другом — в качестве частников или каких-то других существ? Пока ответ на все эти вопросы не найден, все, о чем здесь говорил докладчик, остается в области благих пожеланий. Что сможет побудить людей солидаризироваться друг с другом? Мы здесь, на семинаре, за этим столом порой не можем ни о чем договориться, а как же договариваться в масштабах всего общества? Выдвинутая когда-то идея общественного договора — наиболее внятная для меня концепция солидаризма, но даже она у нас почему-то не срабатывает.

Подлинная — не классовая, национальная, партийная, корпоративная, цеховая и пр., а общечеловеческая — солидарность возможна при условии, что каждый индивид равен не части, а целому, универсален в своих проявлениях, т. е. абсолютно равен другому индивиду. Не верю в солидарность между бедными и богатыми, сильными и слабыми, умными и глупыми, талантливыми и бездарными, варварами и цивилизованными людьми. Пока существует неравенство, солидарность достижима лишь насильственным путем, по принуждению. Добровольная солидарность может быть основана только на равенстве людей. Но так, наверное, никогда не будет, хотя к этому необходимо стремиться. Солидарность — не картина настоящего или будущего состояния мира, а вектор исторического движения. Можно говорить об относительном росте солидарности, но не о полной ее реализации. В этом смысле идея солидарности — утопия. Но без утопии нет и истории. В истории без утопии вообще ничего не происходит. В качестве утопии защищаемую нашим докладчиком идею можно и принять.

Заключительное слово докладчика

А.Н. Окара

Дорогие коллеги! Благодарю за внимание к моим размышлениям и докладу о солидарности, солидаризме и стратегиях модернизации России.

Большое спасибо также и за то, что вы обогатили меня новыми нюансами, новыми горизонтами, новыми смыслами в этой почти неисчерпаемой теме и указали на неубедительные места в моих построениях.

Одна из идей солидаризма заключается в синергетическом эффекте — это когда при большом собрании субъектных креативных личностей образуется новое смысловое качество, новое звучание той или иной проблемы. Мне кажется, именно это и произошло на нашем сегодняшнем заседании.

На вопрос о том, можно ли солидаризировать творческих людей, на который принято отвечать, что нет, нельзя, потому как каждый творческий человек — центр собственной неповторимой Вселенной, как мне видится, следует ответить так: творческих людей солидаризировать можно, но вокруг проблемы, которая их всех очень-очень сильно интересует.

Сегодня я пытался размышлять не просто о новых возможностях политической идеологии солидаризма. Я пытался размышлять о социальной конструкции нового мира, об этических основаниях новой, пост-пост-индустриальной эпохи, для обозначения которой еще даже не придумали единого названия. Поэтому я сознательно ориентировался не столько на традиции теоретической социологии, политологии или философии права, сколько на дискурс социальной философии. Ее критерии не такие четкие, как у теоретической социологии — она ориентирована не на эмпирику, а на конечные условия существования общества, не на то, что есть, а на то, что должно или может быть, поэтому и у меня так много допущений и предположений. Но я пытался ориентироваться

на ту задачу, которую сам для себя поставил, а именно — на поиск *этических оснований новой социальности*.

Эта проблема настолько сложно определяема, что ее, пожалуй, проще почувствовать, чем описать словами. Поэтому примечательна тема нашего заседания, которая сформулирована как «*Модель симфонического мира и роль России в его становлении*». Симфонизм — термин из теории музыки, введенный музыковедом Б.В. Асафьевым, который обозначает раскрытие художественного музыкального замысла с помощью последовательного и целеустремленного музыкального развития, включающего противоборство, конфликт и качественное преобразование тем, музыкальных образов и иных тематических элементов.

Применительно к социальной философии и теоретической социологии, о которых мы с вами говорим, «симфонизм» — это метафора, в которой на передний план выходит многоплановость, целеустремленность, логичность, массивность, развитие, цельность построения материала и при этом — самоценность отдельных элементов. Это что-то очень похожее на солидаризм. Вообще, солидаристские учения — это учения о гармоническом обществе, об обществе, в котором солидаризированы и согласованы интересы всех граждан, всех социальных групп и субъектов.

Я не знаю, можно ли вот так взять и вырастить солидаристский «философский камень» — вывести универсальную формулу солидарности или создать алгоритм построения справедливого общества. К слову, тот же Шостакович не знал алгоритма симфонизма.

О нем, кстати, есть известная байка. В Доме отдыха композиторов в Старой Рузе Шостаковича, в то время уже ставшего живым классиком, донимал один молодой и, видимо, не слишком талантливый композитор, который все время просил научить его писать симфонии. Дмитрий Дмитриевич пытался как-то уходить от общения, но вот однажды в столовой за обедом молодой человек застиг его врасплох — мол, уже

освоил все классические жанры, кроме симфонии, — научите! В ответ Шостакович нисколько не возмутился и спокойно сказал: «Хорошо, сейчас только суп доем — и научу».

Вот и я тоже не уверен, что есть какой-то волшебный алгоритм — как всех солидаризировать. Тем не менее, я не сомневаюсь в перспективности для России и иных цивилизационно и культурно близких стран достижения социального устройства, основанного на широкой социальной солидарности.

Попытаюсь предельно кратко резюмировать мое понимание перспектив солидаризма.

1. Современное человечество находится на пороге новой глобальной эпохи, в которой уменьшается роль абсолютных авторитетов и возрастает социальная роль и субъектность амбициозных индивидов, амбициозных элит, амбициозных корпораций, а в некоторых случаях — и амбициозных государств.

2. Солидаризм (неосолидаризм) может рассматриваться как идеология и политическая философия будущего, поскольку он исходит из представления о субъектности и самодостаточности каждого участника социальных отношений. Также в солидаристских учениях снимается антагонизм интересов индивида и общества. Либеральный индивидуализм и тоталитаристский альтруизм — призраки прошлого, феномены индустриального общества.

3. Субъектом инновационной модернизации может и должен стать креативный класс, который определяется нами по комплексному критерию — как сообщество тех, кто в пределах своей профессиональной или социальной деятельности является инноватором, генератором развития, создателем «точек роста». Именно эти люди создают конкурентоспособность России, поэтому они кровно заинтересованы в элитной ротации и даже в приходе к политической власти. Государство должно быть заинтересовано в том, чтобы выгодоприобретателями от социальных изменений стали бы те, кто создает конкурентоспособность страны.

4. «Двигатель» модернизации России — солидарность государства и креативного класса. При этом государство должно отказаться от монополии на целеполагание и власть, а также заняться борьбой с теми социальными слоями и группами, которые объективно тормозят развитие. Социальная солидарность, основанная на синергетическом эффекте, — двигатель общественного развития. Именно в контексте социальной солидарности актуально говорить и о новом общественном договоре.

5. В условиях постиндустриального общества невозможно широкая социальная мобилизация жесткими методами; упования на успешность модернизации «сверху», когда единственным модернизационным субъектом является государство (точнее, верховная власть и высшая бюрократия), тщетны. Народ и амбициозные классы уже обладают определенной самодостаточностью, поэтому игнорировать их нельзя.

6. Государство Российское объективно — тормоз модернизации и солидаризации общества. В России идеи социальной солидарности вступают в конфликт с феноменом моноцентризма власти как определяющего принципа построения российской политической системы (в нынешней ситуации он усилен также фактором «государства-корпорации», которое выстроено вокруг монополии властной корпорации на нефтегазовый экспорт). Российское государство в лице как верховной власти, так и административной элиты не заинтересовано в субъектности внеэлитных слоев и общества в целом.

Сейчас для работы с информацией стало модно в любой теме указывать «ключевые слова». Попробую перечислить таковые к теме солидаризма: *взаимопомощь, всеединство, горизонтальные отношения, динамическое равновесие, доверие, «замыренная среда», комплементарность, «консервативная революция», кооперация, координационное право, координация, корпорация, «мягкая власть», общее благо, раз-*

деление труда, самодостаточность, самоуправление, свободная лояльность, синдикат, синергетика, соборность, субъектность, «третий путь» и т. д.

Ну, и под конец попробую сформулировать концептуальную триаду фундаментальных ценностей нового солидаризма — такой своеобразный солидаристский «Мир — Труд — Май». Как помним, революция 1789 г. выдвинула набор «Свобода — Равенство — Братство»; граф Уваров в Российской империи времен Николая I придумал «Православие — Самодержавие — Народность». Современные российские политики, политтехнологи и партии пытаются играть с терминами «Свобода», «Справедливость», «Единство», «Равенство возможностей», «Демократия», «Державность», «Суверенитет», «Благосостояние», «Традиции», «Сильная власть» и проч., и проч.

Так вот, думаю, солидаризм на его нынешнем уровне развития и в ближайшей перспективе должен конституироваться при помощи триады «*Свобода — Справедливость — Солидарность*».

Свобода — т. е. субъектность и самодостаточность индивида, отсутствие тоталитарного либо авторитарного принуждения со стороны государства или корпораций, способность самому строить свою судьбу и быть лояльным государственной власти в соответствии со своей доброй волей.

Справедливость — не уравнительная и даже не простая распределительная, а сложная система отношений, при которой каждый человек имеет равные права и равные свободы, но его собственные индивидуальные усилия должны породить его особенный, не равный другим социальный и экономический статус. Но все это должно сложиться таким образом, чтобы от социально-экономического неравенства выигрывало бы все общество в целом, т. е. чтобы неравенство порождало продуктивную конкуренцию и соревновательность, а не зависть и ненависть.

Солидарность — как принцип объединения прав, интересов, усилий и возможностей субъектов, в результате чего возникает социальный синергетический эффект и умножение сущностей.

Подобное понимание важнейших социально-философских концептов, к каковым относятся и свобода, и справедливость, и солидарность, может иметь большое значение при формировании новых социальных проектов и создании новой реальности — мира будущего. Надеюсь, судьба позволит всем нам его увидеть и даже пожить в нем.

Большое спасибо за внимание!

Заключительное слово научного руководителя семинара

А.И. Неклесса

Сегодня речь шла об актуальном явлении: осмыслении и переосмыслении историко-политической феноменологии человеческой солидарности и институционального солидаризма. Тема эта обострилась в настоящее время, когда в новой социальной среде возникают новые формы социополитических сообществ, новые формы солидарности. Но чья это солидарность? На протяжении истории и субъекты, и сам формат солидарности менялись. В прошлом солидарность горожан, буржуа, третьего сословия породила такую форму социального общежития, как национальное государство, чья механика усложнилась, в результате – революция масс.

Эта революция, с одной стороны, породила современное городское общество, в котором действовал такой институт, как демократия; но, с другой стороны, усложнение социальных процессов, экономической жизни (индустриализм) вело к кризису «классической» демократии (если таковая вообще существовала в чистом виде). Подобная ситуация способствовала развитию различных форм социальной инженерии, которая, провозглашая лозунги демократии, на деле утверждала власть олигархии, причем в широком диапазоне – от корпуса «профессиональных политиков», лоббирующих интересы тех или иных социальных тяжеловесов, до более откровенной партийно-номенклатурной организации политического строя. В России данный процесс проявился в феномене «партийности» и, одновременно, не слишком отчетливом противостоянии партийного и государственного аппарата, имевших, впрочем, общие номенклатурные корни.

И последнее. Почему все чаще звучит тема креативного класса? Происходит транзит от индустриального мира к

постиндустриальному, от сложного общества к еще более сложному. Тезис слишком общий, но он имеет конкретные расшифровки. К примеру, рост значения таланта, уникальности, ценности нематериальных активов. Тут и возникает новая форма солидарности – солидарности представителей креативного класса или, если угодно, «элитариев». Это новая форма корпоративности, которая шаг за шагом продвигается к власти, и она весьма отлична от прежней солидарности, о которой говорили в пору существования классической демократии.

А.Н. Окара

Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии

Инновационная модернизация на основе солидарности государства и креативного класса как оптимальная стратегия развития современной России

В начале XXI в. мир становится сложнее и неопределеннее, прежние схемы и модели развития человечества, сложившиеся в эпоху Модерна, перестают работать, новые создаются в режиме «реального времени». «Турбулентное» состояние бытия вызывает ощущение то новых невероятных возможностей, то исторического тупика и всеобщей бессмысленности.

Некогда жесткие железобетонные защитные стены, созданные индустриальным обществом, не выдерживают девятого вала актуальных вызовов, а новая информационно-когнитивная цивилизация еще не выстроила свою современную и гибкую систему защиты.

В складывающейся на наших глазах реальности основным источником конкурентоспособности, лидерства и превосходства становится человеческий интеллект — способность рождать новые смыслы, инновации и инновационные системы, способность моделировать и строить будущее, способность приспосабливаться к условиям динамической среды.

Поэтому проблема современного, сложного, адекватного вызовам времени устройства России-как-общества и России-как-государства является одной из ключевых для выживания и дальнейшего российского развития.

Попытаемся рассмотреть некоторые вопросы, связанные с поиском оптимального формата существования России: о критериях модернизации, о соучастии в ней амбициозных классов, о новом общественном договоре — между государством и обществом, об исторических закономерностях трансформации политической системы, а также о возможном российском вкладе в созидание будущего.

Новые слова — старые смыслы?

Наличие свободной общественно-политической рефлексии — один из основных индикаторов жизни общества и его развития. Идеологические поиски и социально-философские дискуссии в нынешней России постепенно заходят в тупик — вместо новых идей и модернизационных стратегий изобретаются новые слова (в том числе, о новых идеях и стратегиях), словосочетания-оксюмороны («суверенная демократия», «консервативная модернизация») и пиар-тезисы, нацеленные не на стимулирование развития страны и народа, а на консервацию политического режима и системы экономических отношений, либо на их расшатывание и уничтожение — в среде радикальной оппозиции.

Проблема, похоже, в том, что мобилизационная идеология и новая национальная идея, появления которых ждут от «штатных» идеостроителей, изначально рассматриваются политическим классом как пропаганда и пиар-проект — как средство повышения легитимности властной корпорации и углубления лояльности населения (либо с противоположными, антирежимными, целями — в радикально-оппозиционной среде).

Однако идеостроительство может считаться успешным лишь в том случае, если идеи, идеологии и стратегии национального развития становятся *средством мобилизации, консолидации и стимулирования социально активных слов*, если они ведут к *солидаризации политической элиты с*

А.Н. Окара. Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии

массами — вокруг стоящих перед страной *модернизационных сверхзадач*. Идеостроительство имеет онтологическую и практическую ценность, если оно оказывается местом рождения будущего, а не консервации прошлого, если оно является живой творческой проблемой, а не выхолощенной пропагандистской рутинной и не средством заработка штатных идеолог-мейкеров.

Ведь одна из реальных гуманитарных угроз в России — это возможная деконструкция и смысловая девальвация модернизационно-инновационной риторики (включая разговоры о «нанотехнологиях», «человеческом капитале», «экономике знаний», «креативной экономике», «консервативной модернизации», «социальном консерватизме», «прорывном развитии», «Русском мире» и т. д.). Модернизационная риторика рискует утратить свою осмысленность и энергетичность и стать новым «ритуальным языком» административно-бюрократической элиты — своеобразным тестом на лояльность перед «начальством». Контрмодернизационно настроенная бюрократия, присваивающая углеводородную, оружейную и прочую экспортную ренту, в российских условиях способна нивелировать любую модернизационную проблематику: аналогичным образом при раннем Горбачеве были «заболтаны» темы перестройки, ускорения и гласности, во времена раннего Ельцина — темы свободы и демократии.

Модернизационная риторика должна быть концентрированным содержанием соответствующих стратегий развития страны и составной частью реальных социально-экономических процессов, имеющих своих субъектов и проектную логику. В ином случае она будет существовать лишь как пропагандистская программа, как утопия, прожектерство, околонуточная «культ модернизация» либо благопожелания со стороны отдельных представителей властной корпорации, что может привести к деконструкции модернизационного дискурса, обесмысливанию модернизационной проблематики, разочарованию, усилению общественной

апатии и ожиданию прихода «сильной руки». Активная часть российского общества воспримет «забалтывание» и нивелирование идеи модернизации особенно болезненно, даже фатально — как «последний упущенный шанс» России, который в ближайшие десятилетия едва ли представится еще раз.

Возможно ли в России появление нового миростроительного проекта?

Мировой структурный и финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. обнажил главную проблему наших дней: *смысловую исчерпанность «современного мира»* — истощенность нынешней концепции развития человечества, недостаточность существующих инновационных систем, недостаточность Модерна как универсального миростроительного проекта, сформированного в лоне западноевропейской цивилизации в XV–XX вв., и откровенную ущербность разнообразных постмодернистских проектов. Речь о кризисе базовых ценностей Нового времени — системы национальных государств, международного публичного права, принципов международных отношений и гуманизма (человекоцентризма), рассматривавшего индивида прежде всего как потенциального творца, а не пассивного потребителя. В различных постмодернистских философских концепциях обосновывается социальная демодернизация и деконструкция незыблемых для современного человека моральных и жизнестроительных ценностей.

В этой ситуации как бы объявляется международный конкурс, во-первых, на *инновационную систему нового типа* (речь о механизмах управления инноватикой и инновационной деятельностью), во-вторых, на *новый «сверхмодерный» миростроительный проект* (систему универсальных представлений о возможном и должном мироустройстве, о направлениях и пределах развития человечества), а также, в-третьих, — на модельную стратегию *инновационной модернизации*.

Под *инновационной модернизацией* мы понимаем продуктивное скачкообразное технологическое, хозяйственное, социально-политическое и гуманитарное обновление современного общества и современного человека на основе модели опережающего, а не догоняющего развития, на основе про-активной и инициативной стратегии, а не реактивной тактики, обновление, происходящее без применения авторитарных методов и жесткой мобилизации широких социальных слоев. Не каждая модернизация инновационна по своей сути: большинство индустриальных модернизаций в XIX — XX вв. носили догоняющий характер и были направлены на достижение уровня технологического и экономического развития стран-лидеров. Но каждая модернизация имеет четкое ограничение во времени, четкую проектную логику и четко определенного субъекта и выгодоприобретателя.

Главные задачи модернизации лежат вовсе не в технологической сфере и заключаются отнюдь не в компьютеризации школ, не в строительстве «биоагроэкополисов» (термин Максима Калашникова¹) и даже не в ускоренном развитии нанотехнологий. Главные задачи модернизации — это *создание современного общества, современных социальных институтов, современных инфраструктур и современного человека*. Главная результирующая цель модернизации — *обеспечение мировой конкурентоспособности государства и нации*.

При этом необходимо осознавать, что развитие и модернизация — это управляемые процессы, у которых есть не только «моторы», но и «тормоза», причем как в национальном, так и в международном масштабах. Страны «Золотого миллиарда», как правило, заинтересованы лишь в частичной, фрагментарной успешности модернизаций в незападном мире. Они заинтересованы в развитии прежде всего тех сегментов экономики западных стран, от которых тем или

¹ См.: *Зубов М., Новиков К.* План Калашникова вместо плана Путина. Медведев областал сторонника зомбирования // Московский комсомолец. 2009. 17 сентября. См.: www.mk.ru/politics/publications/352684.

иным образом зависят их собственные интересы — например, в развитии китайской массовой индустрии, в эффективности индийской математической школы, в надежности российской газодобычи и украинской газотранспортной системы. Во-первых, им не нужны мощные и развитые конкуренты, во-вторых, современная капиталистическая мир-система функционирует в значительной степени за счет эксплуатации странами ядра периферийных стран. Вне всякого сомнения, Западу нужны российские природные и человеческие ресурсы. Но нужна ли ему Россия как партнер, как сильная, модернизированная и конкурентоспособная держава с высоким уровнем развития науки, как конкурент на рынках финансового и человеческого капиталов — вопрос риторический.

Внутри России к главным контрмодернизационным силам следует причислить всех тех, кто является выгодоприобретателем от современного состояния государства и экономики — от демодернизации, деградации и гипертрофированной зависимости государства от экспорта энергоресурсов — речь прежде всего о коррумпированной административно-бюрократической элите и сырьевой олигархии.

В контексте современных глобальных вызовов и складывающейся геополитической и геоэкономической структуры мира новые идеологические проекты и поиски национальной идеи в России окажутся успешными лишь в том случае, если будут основываться на *идеях общественного доверия, солидарности и развития*. Периодически возникающие в российском общественно-политическом создании образы «России в кольце врагов», «России как осажденной крепости» и соответствующее им манихейско-изоляционистское самоощущение представляются непродуктивными и неконкурентоспособными. Нередко они служат концептуальной основой для охранительной идеологии и политики, проводимой контрмодернизационными элитами. Солидарность же предполагает преодоление катастрофического для России

разрыва между государством и обществом, между элитами и внеэлитными слоями, выстраивание многочисленных горизонтальных связей внутри самого общества, развитие социальной самоорганизации, а также открытие лифтов вертикальной мобильности для талантливых, энергичных, амбициозных людей. Однако ключевой для российского развития на нынешнем этапе уровень солидарности — это солидарность внутри амбициозных классов, кровно заинтересованных в обновлении, — именно эти люди, сообщества и классы могут стать главными выгодоприобретателями от модернизации. С другой стороны, в современном мире именно они способны обеспечить России высокий уровень конкурентоспособности.

Русская культура ощутимо обогатила мировую: творчество Толстого, Достоевского, Чехова, Набокова, Чайковского, Рахманинова, Стравинского, Шостаковича, Андрея Тарковского, русских футуристов стало достоянием всякого образованного человека в мире. Но существуют ли в российской жизни и социогуманитарной мысли проекты, явления и универсальные ценности, способные быть востребованными всем человечеством или хотя бы его значительной частью? Способна ли Россия сформулировать или поставить проблему мирового уровня?

А ведь при смене глобальных парадигм мирового развития возникает «точка новой сборки», ситуация бифуркации, в которой даже аутсайдеры, наделенные проектной субъектностью и гиперкреативностью, могут оказаться успешными инноваторами, отказавшись играть по чужим правилам и навязывая системе свои правила. Фигурально выражаясь, последние могут стать первыми (Лк. 13, 30).

И Российская империя, и СССР были великими и привлекательными для других народов державами именно в те периоды, когда ставили перед собой масштабные сверхзадачи и сверхцели, когда выдвигали универсальные миростроительные проекты: тот же коммунизм 1920-х гг. можно

рассматривать как проект альтернативной нелиберальной модернизации. Сталинский коммунизм уже не выдвигал универсальных проектов, однако именно в 1930–1940-х была осуществлена мобилизационная догоняющая авторитарная модернизация «сверху», превратившая традиционное общество в индустриальное, а крестьянскую страну — в городскую. В российской истории разрушение ценностно-идеологического ядра каждый раз вело к измельчанию мотиваций общественного и индивидуального существования: государству это грозило гибелью, а людям — потерей смысла жизни и маргинализацией.

Успешная инновационная модернизация прорывного (недогоняющего) типа на основе широкой солидарности и баланса сил — между властью, амбициозными группами населения, включая представителей бизнеса, и народом, проводимая с опорой на этические нормы и «миростроительные» ценности восточнохристианской цивилизации, может стать вкладом России в теорию и практику современного развития, а также может оказаться важнейшей предпосылкой для *«российского чуда»* — трамплином в сообщество стран-лидеров. Ведь на исторических изломах лидерство может перехватить тот, кто станет проектантом и «дизайнером» общемирового будущего, кто первым заявит новые смыслы и ценности начинающейся эпохи. А, как известно, лидерство в социогуманитарной сфере — это куда более сложная задача, чем даже промышленное внедрение самых тонких нанотехнологий.

Вопрос лишь в том, как эффективно нейтрализовать контрмодернизационные силы и разрушить деструктивную систему социально-экономических отношений (в российском случае — как ограничить доминирование сырьевой экономики и сырьевых олигархов), как провести модернизацию неавторитарными методами с минимальными издержками для населения и как сделать выгодоприобретателями от модернизации не только активное меньшинство, но и не всегда активное большинство. Именно этот комплекс проблем —

А.Н. Окара. Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии

самое слабое место во всех модернизационных теориях и стратегиях. Однако, как представляется, политическая философия и экономическая теория солидаризма, благодаря выработанным механизмам рационализации и оптимизации внутренних конфликтов, благодаря ориентации на синтез эгоистических и альтруистических мотиваций представителей элиты, способна дать ответы на эти и им подобные вызовы.

Заколдованный круг российской мысли: между деспотизмом и хаосом

Одна из главных проблем неуспеха идеостроительства в современной России — блуждание идеостроителей между двух смысловых полюсов — охранительно-консервативной Сциллой и либерально-анархистской Харибдой.

Первые — «гиперэтатисты», консерваторы-охранители — готовы абсолютизировать и чуть ли не молиться на «сильное» — деспотическое и зачастую полицейское — государство. Государство с закрученными «гайками», «подмороженным» режимом и авторитарными претензиями. Государство, в котором ограничена свобода слова, сведен к минимуму публичный политический процесс, дискредитированы выборы и ликвидирована конкуренция политических партий — вместе с самими партиями.

Вторые — оппозиционные по отношению к власти либералы-фундаменталисты и неолибералы по ценностям и нередко анархисты по духу — «сильное» государство проклинают и мечтают о его ослаблении — вплоть до падения политического режима и дробления страны на несколько десятков «демократических» республик во главе со свободно избранными губернаторами.

В России антигосударственность либералов столь же глубоко, последовательно и имеет длительную идеологическую традицию, как и сверхгосударственность охра-

нителей. В контексте российской политической культуры антиэтатизм и гиперэтатизм — это симметричные явления, но с противоположными знаками. Для одних ценностями являются «свобода», «либерализм», «права человека», слабое («демократическое») государство, неспособное противостоять ни внешним, ни внутренним вызовам; для других — «стабильность», «порядок», «сильная рука» и «консервация» политического режима.

Но из российской политической истории хорошо известно, к каким последствиям приводят обе эти стратегии.

Консервативно-охранительная — к стагнации, к замедлению и остановке общественного развития, к доминированию экстенсивных подходов в социальном управлении, к отсутствию субъектности и гражданской культуры у общества, к «потерянным поколениям», которые не смогли реализовать свой «большой проект» здесь и сейчас, к энтропии социального потенциала — исключению из актуальных социально-политических и экономических процессов *креативного класса* — всех тех, благодаря кому Россия могла бы стать мировым лидером по многим показателям. В конечном итоге, охранительные стратегии власти и отказ от развития ведут к рассеиванию социальной энергии, демодернизации и сгниванию государства изнутри.

Как известно, на подрыв и развал Российской империи, а потом и Советского Союза, работали разнообразные иностранные разведки и аналитические центры. Но главные причины краха этих сверхдержав кроются прежде всего в *отказе от развития*, в попытке «законсервировать» мнимый «порядок», в исключении креативных, энергичных, амбициозных людей из активной, социально значимой деятельности. Политические режимы Николая I, Александра III, а при советской власти — Брежнева и Андропова, пытались «подморозить» «излишние» свободы, но вместо ожидаемого «порядка» через некоторое время они сами попадали в кризис: государство разрушалось, наступала «смута» (револю-

ционная — после 1917 г. и постсоветская — в начале 1990-х). Похожую патологию можем наблюдать и в современной путинско-медведевской России. Всякий раз подтверждается аксиома, что *в российских условиях «закручивание гаек» ведет к срыву «резьбы».*

Другая экстремальная идеологическая стратегия — целенаправленная деструкция государства, прикрываемая либеральной риторикой, концепцией прав человека, разговорами о необходимости ограничения бюрократического произвола и о превращении государства в «ночного сторожа», «третьего судью», «независимого стороннего наблюдателя» и т. д. В реальных российских условиях (растянутость территории, неравномерная развитость инфраструктуры, малая заселенность огромных географических пространств, отсутствие гражданской политической культуры) такой подход равносильно убийству (самоубийству) государственного организма, что хорошо памятно по ельцинским временам.

Российское идеологическое и информационное пространство выстроено в соответствии именно с этими двумя взглядами на государство — оно заполнено либо охранительной риторикой («управляемая демократия», «суверенная демократия», «антиоранжевый фронт», «газ — новое русское оружие», «Россия встает с колен», «социальный консерватизм», «консервативная модернизация» и т. д.), либо либеральной («Другая Россия», «Россия-2», «марш несогласных» и т. д.). Мироззрение Кремля и российской власти в целом периода президентства Владимира Путина опиралось на специфическую смесь двух идеологем — этатизма (пафоса возрождения великой державы) и западничества. Логично, что именно на их пересечении возникли концепты «либеральной империи» и «России как энергетической сверхдержавы». При этом западничество власти носило достаточно эклектичный характер — оно сочетало в себе торжество либеральных ценностей в экономической сфере (государство постепенно облегчало свое социальное бремя), веру в духовное и технологическое

первородство Западной Европы и США, признание России частью Запада и надежду на интеграцию отдельных российских элитных групп в мировую элиту.

Именно в силовом поле между этими двумя полюсами — консервативно-охранительным и либерально-анархистским — возникает «заколдованный круг» российского развития, в котором как часы работает механизм смены политических циклов *«стагнация — реформы — контрреформы — новая стагнация»*. Никакие «предохранители», никакие ситуативные полумеры не спасают систему от периодических глубоких кризисов и крахов. Именно в такой цикличности скрывается ответ на вопрос: почему в России все модернизации остаются незавершенными?

И пока никто из этих двух лагерей идеостроителей до сих пор не выдвинул концепцию, ориентированную на преодоление кризисных циклов российского развития и дисбаланса между государством и обществом. Охранители обвиняют либералов в западничестве, отсутствии патриотизма и подрыве государства. Либералы обвиняют охранителей в тоталитарном мышлении, желании всех «построить» и самоизолироваться от Запада и прогресса в автаркийной «империи зла».

Принципиальный вопрос заключается в следующем: возможна ли вообще в российском смысловом пространстве некая неохранительная и нелиберальная идеологическая альтернатива, способная вывести российское развитие из порочного круга циклической деструкции и воссоздать в стране широкие горизонтальные социальные связи?

Социальная солидарность как третья идеологическая альтернатива

Идеологическая *«третья альтернатива»*, преодолевающая и отвергающая как консервативно-охранительные, так и либерально-анархистские установки, в истории российской общественно-политической мысли есть: она основана на ши-

рокой социальной *солидарности* — на неконфронтационном типе отношений между властной элитой, активной частью общества (потенциальной контрэлитой) и народом (относительно пассивными внеэлитными слоями). При этом, в зависимости от различных обстоятельств, речь может идти и о широкой общегражданской солидарности, и о балансе либо компромиссе групповых (корпоративных) интересов.

Солидарность и солидаризм — это вовсе не идеологическое «среднее арифметическое» и не «золотая середина» между охранительным и либеральным трендами, а принципиально отличная идеологическая стратегия, изначально ориентированная на создание оптимальных условий для развития страны и общества, на преодоление разрушительной для России волновой динамики развития «стагнация — реформы — контрреформы — новая стагнация».

В отечественной социальной философии и общественно-политической мысли нелиберальной направленности идея солидарности имеет глубокие корни — начиная с представления о «сродном труде» у Григория Сковороды, далее развивается в концепции соборности Алексея Хомякова, в метафизике всеединства Владимира Соловьева, в представлениях о взаимопомощи как факторе развития человечества Петра Кропоткина, в учении о кооперации Михаила Туган-Барановского, в культуре русского религиозно-философского ренессанса и Серебряного века, в философии «космизма» и учении Владимира Вернадского о ноосфере².

Согласно Дюркгейму, солидарность бывает механической, основанной на подобности и однокачественности элементов (именно так, к примеру, устроена религия), и органической, основанной на взаимодополнении разнородных и разнокачественных элементов (например, на разделении

² Подробнее о солидаризме в истории русской общественно-политической мысли см.: Сендеров В.А. Солидаризм — третий путь Европы? // Новый Мир. 2003. № 2.

труда)³. Солидаризм строится на принципе согласования индивидуальных и общих интересов, он отвергает не только либеральный индивидуалистический эгоизм, но и тоталитаристский коллективистский альтруизм. Его нередко ошибочно путают с идеологией и практикой европейских тоталитарных режимов первой половины XX в. Квази-солидарность в 1920–1930 гг. в коммунистическом Советском Союзе, а также национал-социалистической Германии, фашистской Италии и некоторых других европейских странах с похожими режимами, строилась на тотальном подчинении, принуждении, часто — унижении человека.

Солидарность в современном развитом обществе может основываться исключительно на реальной социально-политической субъектности и свободной лояльности гражданина. При этом власть должна признать за ним эту субъектность и не нарушать ее — иначе, в конечном итоге, все может окончиться развалом политической системы и бунтом, который в России, по Пушкину, всегда «бесмысленный и беспощадный». Русский философ Иван Ильин определяет свободную лояльность как основополагающее качество социальной идентичности и социальной функции индивида: «Настоящее государство держится не принуждением и не страхом, а свободной лояльностью своих граждан: их верностью долгу; их отвращением к преступности; неподкупностью чиновников; честностью судей; патриотизмом избирателей; государственным смыслом парламентариев; гражданским мужеством писателей и ученых; инициативной храбростью и дисциплиной солдат. Все это не может быть заменено ничем. Человек есть самодеятельный волевой центр, субъект права, а не объект террора и эксплуатации. Он должен строить себя сам, владеть собою, управлять собою и отвечать за себя»⁴.

³ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

⁴ Ильин И.А. О свободной лояльности // И.А. Ильин. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 229.

Особенностью российской политической системы и политической культуры может считаться их специфическая конструкция, в которой, начиная со времен Ивана Грозного, властная корпорация претендует на роль монопольного субъекта социального управления и, в случае осуществления модернизации, — на роль единственного проводника инноваций. Все иные сколько-нибудь значимые социальные субъекты (дворянство, казачество, старообрядцы, интеллигенция, крестьянство во время коллективизации, политическая оппозиция, независимая пресса, олигархи ельцинской эпохи, средний бизнес в современной России и иные активные социальные группы) последовательно «перемальваются», превращаются в «лишних людей», выбрасываются за борт актуальной политической реальности — т. е. целенаправленно лишаются своей субъектности и самодостаточности⁵.

В условиях российской политической системы сильное патерналистское государство целенаправленно обрубает горизонтальные связи внутри общества, замыкая все процессы на себя. Из-за моносубъектности власти и несубъектности общества все российские реформы и модернизации проводились и проводятся исключительно «сверху» и без опоры на поддержку амбициозных элит и народа — на протяжении всей обозримой истории государство стремится быть единственным инноватором и монополистом модернизации. В условиях индустриальных модернизаций в XIX — XX вв.х государство выступало главным агентом технологических, экономических и социально-политических преобразований во всех странах. Но лишь в России и СССР его роль была абсолютной.

В российском прошлом и настоящем сложно отыскать примеры солидарности власти и народа, государства и об-

⁵ Фурсов А.И. Русская власть, история Евразии и мировая система: *mobilis in mobile* (социальная философия русской власти) // Феномен русской власти: преемственность и изменения. М., 2008. Вып. № 3 (12). С. 10–57.

щества (в качестве одного из немногих исключений можно назвать столыпинские реформы); вместо этого наблюдается самоустранение, выпадение, социальное (а то и географическое — на незаселенные восточные территории) «бегство» внеэлитных слоев, а нередко и альтернативных политическому режиму элитных групп и группировок. При такой архитектуре политической системы отношения между властью и обществом строятся не по моделям взаимопомощи, взаимосодействия или конкуренции, а по моделям конфронтации, взаимного ослабления, а то и войны — холодной либо даже гражданской. Охранительная идеология предполагает подавление государственным аппаратом самодостаточности и способности к самоорганизации общества в целом, а также отдельных общественных групп и организаций, бизнеса, церкви и любых иных неподконтрольных ему субъектов. Либеральная идеология в специфических российских условиях говорит о необходимости принудительного ослабления государства и умаления его роли в развитии страны. Результатом реализации любого из этих сценариев становятся регресс, застой (либо хаос) и деградация.

Государство целенаправленно лишает общество инстинктов и способности к самоорганизации, поэтому в те редкие периоды, когда оно готово ослабить свой пресс и дать обществу немного свободы, вместо развития субъектности и самосознания, растут социальная нестабильность и деструктивные тенденции, которые через некоторое время превращаются в угрозу существованию — уже не только для властной корпорации, но и для самого государства, что памятно по временам правления Николая II, Горбачева и Ельцина.

На развитие солидарности и взаимовыгодных гражданских отношений между государством и внеэлитными слоями была направлена крестьянская реформа Петра Столыпина. Однако она покушалась не только на основы российской политической системы, но и на интересы элитных слоев. В ре-

А.Н. Окара. Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии

зультате, сам Столыпин стал жертвой внутриэлитного заговора. В условиях ленинского НЭПа крестьяне превращались в самодостаточное и быстро развивающееся сословие, однако последовавшая вслед за тем сталинская политика «великого перелома» и Голодомора превратила их в бесправных крепостных.

При наличии социальной солидарности внутри общества государство должно основываться на *свободной лояльности* граждан. В российском случае народная лояльность всегда была вынужденной — она не предполагала за гражданами никакой субъектности и самодостаточности, «идеальное» население, с точки зрения такого государства, это безмолвные холопы. Поэтому солидарность власти и народа в условиях российской политической системы подменялась и подменяется различными формами принудительной народной лояльности и идеологического консенсуса: «народность» из знаменитой триады графа Уварова, «Россия сосредотачивается» князя Горчакова, «Россию надо подморозить» Константина Победоносцева, «Народ и партия едины» советских идеологов 1950–1970 гг., «суверенная демократия» Владислава Суркова, «консервативная модернизация» «Единой России» и др.

С этой точки зрения статья президента Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» от 10 сентября 2009 г.⁶, а также некоторые его программные выступления того же периода содержат в себе принципиальную новацию: фактически речь идет вовсе не о либеральном реванше, как это интерпретировали некоторые наблюдатели, а о возможности и необходимости *солидаризации интересов верховной власти, активной части общества и народа*. Это можно рассматривать как покушение на основополагающий принцип российской политической системы — моносубъектность властной корпорации и несубъектность общества.

⁶ Медведев Д.А. Россия, вперед! См.: www.kremlin.ru/transcripts/5413.

Необходимым следствием такого посыла должны стать новые принципы легитимности верховной власти в России, основанные не на кремлевской корпоративной солидарности и не на внутриэлитных «дворцовых договоренностях», но на общественном договоре, свободной лояльности граждан и реальной солидарности власти и народа. В соответствии с такой логикой, отношения власти и народа должны трансформироваться из вертикальных, состоящих из господства и подчинения, — в горизонтальные, строящиеся на взаимном доверии и сотрудничестве. Статью президента Медведева «Вперед, Россия!» и его некоторые программные выступления можно рассматривать как веху в развитии самосознания российской власти, как эффективное начало нового тренда — пока, правда, лишь в сфере политической риторики, а не реальной политики.

Креативный класс как субъект инновационной модернизации

Любые масштабные социальные преобразования требуют артикулированных *целей развития, рассчитанного во времени проекта реформ* и их субъекта — мотивированной амбициозной социальной группы, класса, этноса или иного сообщества. При этом субъект реформ должен обладать соответствующими мировоззрением, волей, экономической и политической заинтересованностью, а также опираться на достаточные ресурсы и возможности. Без любого из этих компонентов преобразования невозможны в принципе.

Есть различные мнения о том, кто должен стать основным субъектом инновационной модернизации в современной России — средний класс в целом, его какой-либо сегмент, олигархи, крупный и средний бизнес, массовый слой мелких предпринимателей, инновационное сообщество, мощные сетевые движения, «силовики», представители военно-промышленного комплекса, политический истеблишмент,

А.Н. Окара. Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии

политическая оппозиция, государство в лице лучших представителей административно-бюрократической элиты, государственные корпорации или кто-то еще.

Нам представляется, что при переходе к тренду «общества знаний», «экономики знаний», «информационной цивилизации», «инновационной модернизации» таким социальным субъектом может стать *креативный (креативно-модернизационный) класс* (в широком понимании термина) — как основной генератор инноваций, как субъект воспроизводства человеческого и символического капиталов, как держатель или распорядитель культурного и информационного ресурсов, как социальная группа, от которой зависит глобальная конкурентоспособность государства. Американский социолог Ричард Флорида причисляет к этому классу творческих профессионалов, занятых в креативном сегменте экономики, — работников, чья экономическая функция заключается в создании нематериальных активов, приносящих материальные дивиденды, — новых идей, новых технологий и нового креативного содержания⁷. То есть стратификация производится по профессиональному критерию. Однако в российских условиях предпочтительнее использовать антропо-социальный критерий — это когда основной классифицирующий признак связан не с объективными, а с субъективными, психологическими показателями.

В современной России круг людей, составляющих креативный класс, следует рассматривать шире, чем это делает Флорида. К нему можно причислить всех тех, *кто в пределах своей профессиональной или социальной деятельности является инноватором, генератором развития, создателем «точек роста»*. В социальном плане это, прежде всего, представители отраслевой и фундаментальной науки, разработчики и реализаторы высоких технологий, инженеры ВПК, представители некоторых сегментов бизнеса (чаще среднего,

⁷ См.: Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. NY., 2002.

созданного с нуля, а также венчурного), активная часть городской интеллигенции, работающая в сфере формирования духовной и информационной реальности. Сюда же следует отнести и представителей «рутинных» профессий, склонных к инновациям и усовершенствованиям в пределах своей профессиональной деятельности. Среди них особое место принадлежит бюрократам-инноваторам. Креативный класс в значительной степени состоит именно из «интеллигентов» и «интеллектуалов», но он не тождественен ни интеллигентскому сообществу в его российском понимании, ни сообществу интеллектуалов в западном понимании.

Интересен вопрос о соотношении креативного и среднего классов. На данный момент в социогуманитарной науке отсутствует общепринятое представление о том, из кого состоит средний класс и по каким критериям определяется принадлежность к этому сообществу. Тем не менее, в современной России в качестве усредненной стратификационной концепции может быть принята классификация по четырем признакам: во-первых, социально-профессиональный статус; во-вторых, наличие человеческого капитала (прежде всего образовательный уровень); в-третьих, экономический статус; в-четвертых, самооценка — ощущение своей принадлежности к среднему классу⁸. То есть при описании среднего класса превалируют критерии, связанные с потреблением, — качество жизни и покупательная способность его представителей. Иначе говоря, средний класс — это внеэлитный класс потребителей, тогда как креативный класс описывается как прослойка творцов, создателей нового, некоторые представители которой могут принадлежать к элите. Разумеется, в основе стратификации среднего и креативного классов лежат различные модели, поэтому один и тот же человек или социальная группа могут рассматриваться и в контексте среднего, и в контексте креативного классов.

⁸ Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. М., 2009. С. 88–93.

Креативный класс — это достаточно слабо дифференцированное сообщество, его сложно определить по каким-либо жестким формальным критериям, его также невозможно создать «сверху» — административным путем. Принадлежность к этому классу не обуславливается ни социальным статусом, ни уровнем доходов и потребления, ни даже образованием. Однако его можно описать как социо-психотип. Чаще всего это пассионарные люди — с внутренним «стержнем», развитым волевым началом, активной жизненной позицией, с инновационным мировоззрением, чувством собственного достоинства. Но пассионарность не является определяющим признаком (скажем, рыночные торговцы — люди в своей массе тоже весьма предприимчивые и энергичные). Представители креативного класса напоминают «предпринимателей» в экономической теории Йозефа Шумпетера, которые обладают «предпринимательской способностью»: они ориентированы не на *линейный экономический рост*, а на *инновации и экономическое развитие*⁹.

Нередко представителей креативного класса определяют как «модернизационный класс», «инновационный класс», «поколение модернизации» и т. п. Но определение «креативный класс», по нашему мнению, наиболее точно указывает на интегрирующие признаки его представителей — креативно-творческую деятельность и креативно-творческое отношение к жизни.

Представители *homo creativus* — это люди с творческой идентичностью, с определенным уровнем непрагматических жизненных мотиваций, нередко и со специфической креативной моделью поведения. Им присуща потребность в самоактуализации — в реализации своих способностей и возможностей, в развитии собственной личности. В пирамиде человеческих потребностей Маслоу эта идентичность занимает самый высокий — седьмой уровень. Носителям

⁹ *Scumpeter J. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process.* N.Y.–L., 1939. P. 77.

подобного психотипа присуща способность к нестандартному мышлению, риску, принятию эффективных решений в условиях неопределенности, к творческим озарениям, к трансгрессии и трансценденции, к выходу за пределы имманентной личностной данности. В иных социальных стратах, включая бюрократический класс, доминирует, как правило, вполне рациональная поведенческая мотивация.

По объему контролируемых ресурсов и уровню влияния на принятие политических и экономических решений креативный класс, на первый взгляд, слабее жестко интегрированной и мобилизованной корпорации «силовиков» или олигархов, не говоря уже об административно-бюрократической элите, чья монолитность скреплена самой влиятельной в нынешней России политической партией. Более того, многие представители креативного класса являются нанятыми работниками, зависимыми либо от бизнеса, либо от государства. Однако, во-первых, это достаточно массовый класс — его ядро и полупериферию можно оценить в 10–20% от всего населения; во-вторых, его представители — люди пассионарные, энергичные, часто даже самоотверженные, способные создавать локальные «очаги развития», при этом они не нуждаются в жесткой иерархии и управленческой «вертикали». В-третьих, именно представители этого класса являются держателями и воспроизводителями человеческого капитала, который в нынешнюю эпоху становится основой развития и благосостояния любого общества.

Креативный класс стремится к самоорганизации, самоуправлению и саморазвитию. При достижении критической массы и в случае институализации его интересов — например, путем создания новой эффективной политической силы (партии либо общественно-политического движения) — он способен стать реальным субъектом развития России.

Однако его продуктивное существование возможно только при наличии свободного социального пространства. В ситуации, где нет свободы — свободы политической, свободы

А.Н. Окара. Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии

творческой, свободы духовной, свободы самовыражения, где экономическая свобода ограничена коррупцией, — креативный класс маргинализируется, его совокупный потенциал снижается, начинается «отток мозгов» — бегство образованных людей из страны либо «внутренняя эмиграция». Разумеется, в подобных условиях невозможна никакая инновационная модернизация. Самые яркие образы русской классической литературы первой половины XIX в. — Чацкий, Евгений Онегин, Печорин — это представители тогдашнего креативного класса, невостребованные ни бюрократическим государством, ни «гламурным» светским обществом и, как следствие, выпавшие из социальной структуры, превратившиеся в «лишних людей».

Определяющие черты *homo creativus* — творческая и социальная субъектность, желание и способность быть участниками процессов общественного развития. Эти люди не нуждаются в руководстве со стороны какой-либо вышестоящей инстанции — их не надо «строить». Им надо не мешать. Им нужна не «руководящая и направляющая роль» государства, а создание благоприятных условий для развития и моральная поддержка — чтобы они ощущали, что их труд не Сизифов и что они нужны обществу.

В условиях постиндустриального общества именно национальный креативный класс является основным генератором и источником инноваций, именно он создает символический капитал нации. В ситуации, где он подавлен, рассеян, маргинализован, инновации приходится экспортировать извне, что характерно для догоняющих модернизаций.

Неправы те аналитики, которые говорят, будто при авторитарном политическом режиме модернизация невозможна¹⁰. Очень даже возможна! Так же, как возможна и демодернизация в условиях демократического политического режима — например, как в ельцинской России. История

¹⁰ См., например, доклад Института современного развития: Россия XXI века: образ желаемого завтра. М., 2010.

полна примерами более или менее успешных авторитарных экономических модернизаций, когда индустриальное обновление проходило при сохранении политической несвободы (сталинский Советский Союз, гитлеровская Германия, Китай, Южная Корея, Япония, Сингапур, Тайвань, Таиланд, Малайзия, Индонезия, ОАЭ, Чили при Пиночете, современная Беларусь). Верно иное: *в условиях авторитаризма невозможна инновационная модернизация*, возможны лишь индустриальная догоняющая модернизация и политика «принуждения к инновациям», возможен экономический *рост без развития*. Даже самый «просвещенный авторитаризм» может быть эффективен в течение коротких периодов и только в экстремальных ситуациях (война, послевоенная разруха). Но на длительных временных отрезках в российских условиях он ведет к социальной стагнации, остановке развития и демодернизации. Авторитарная модернизация успешна лишь там, где есть традиционное общество, где есть неисчерпаемый запас неприхотливых людей, живущих по его законам. Например, сталинская индустриальная модернизация могла быть реализована лишь в крестьянской стране и лишь при помощи крайне жестких методов (вплоть до террора и Голодомора). Но в современной России от традиционного общества практически ничего не осталось, большинство россиян — современные городские жители, любящие комфорт и неготовые к мобилизации, проявлению сверхусилий и недопотреблению.

Российский креативный класс всячески нуждается в расширении и институализации горизонтальных связей — как внутри сообщества, так и в отношениях с государством. Поскольку у его представителей доминируют прагматические мотивации и амбиции, связанные с самоактуализацией, это сообщество в той или иной степени способно к мобилизации — оно готово откликнуться на призыв власти и принять участие в большом модернизационном проекте — даже в условиях отсутствия у государства избыточных ресурсов на модернизацию. Но при этом государство и властная полити-

А.Н. Окара. Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии

ческая элита не должны рассматривать относительную независимость креативного класса в качестве угрозы, не должны мешать его самоорганизации и кристаллизации в его среде альтернативных элитных сообществ и группировок.

Новая роль государства: государство-партнер вместо государства-бандита

Социальная модернизация — одна из обязательных функций современного государства, ориентированного на глобальную конкурентоспособность. Это не право, а его обязанность, поскольку отказ от модернизации может реально угрожать национальной безопасности, подталкивая страну к неконкурентоспособности — и, как следствие, к гибели и исчезновению, либо к превращению в ресурсную колонию.

В России исторически сложилось, что государство в лице верховной власти выступало инициатором и единственным субъектом всех модернизаций и социальных мобилизаций. Одновременно в лице административно-бюрократической элиты государство выступало врагом и тормозом социальных инноваций, особенно если они посягали на источники коррупционной либо сырьевой ренты. При этом роль общества мыслилась исключительно в качестве пассивного реципиента, объекта, а то и «расходного ресурса» модернизационных стратегий — та же сталинская модернизация временами напоминала геноцид.

В модернизациях различных типов функциональная роль государства различна. При авторитарной модернизации постановкой целей и задач развития занимается властная корпорация и бюрократия, при инновационной модернизации эти задачи должны определяться в ходе диалога между государством и обществом. Главный субъект авторитарной модернизации — верховная власть и бюрократия; главный субъект инновационной модернизации — креативный класс. В авторитарной модернизации государство выступает ини-

циатором и единственным субъектом перемен, в инновационной — только заказчиком.

После Второй мировой войны в мире стала популярной модернизационная концепция «девелопментализма» (developmentalism), в которой главным субъектом является *государство развития*. Некоторые страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Ирландия именно ей обязаны своим «экономическим чудом». Руководители современного Казахстана прямо подчеркивают, что именно «девелопментализм» лежит в основе их стратегии развития страны.

Как нам представляется, эту концепцию по критерию баланса интересов государства, общества в целом и негосударственных структур можно рассматривать где-то посредине между концепциями авторитарной мобилизационной модернизации и модернизации инновационной. Однако обязательное условие девелопменталистских стратегий — монолитность государственного аппарата и национального политического класса в их воле к развитию страны. Ничего похожего в нынешней России нет и близко.

Российское общество крайне заинтересовано в проведении модернизации, при которой в модернизационных процессах будет задействовано максимальное число представителей активных социальных групп. Для этого необходима *смена модернизационной парадигмы — с авторитарной на инновационную*. Однако у инновационной модернизации в России есть жесткие противники: едва ли не самое мотивированное и солидаризированное контрмодернистское общество — олигархи и та часть бюрократии, чьи интересы и механизмы обогащения могут реально пострадать от рационализации и децентрализации системы государственного управления. Эффективным для процессов национального развития может быть также открытие лифтов вертикальной мобильности и рекрутирование на ключевые для модернизационных процессов государственные управленческие должности ярких представителей креативного класса.

Кроме того, в случае проведения инновационной модернизации государство может пойти на максимальные уступки обществу и разнообразные самоограничения. К примеру, верховная власть должна сдерживать контрмодернистские тенденции, ограничивать произвол государственной бюрократии в отношении креативного класса, должна отказаться от собственной монополии на власть и допустить полиархию и частичное перераспределение властных возможностей, к чему неотвратимо ведет внедрение инноваций.

В контексте современных модернизационных дискуссий стала популярной идея о возможности проведения *модернизации «снизу»*, которая преподносится как продуктивная противоположность модернизации «сверху». Однако, как представляется, модернизация «снизу» — это метафора, красивый образ. Если государство не является участником модернизационных проектов, если оно — тормоз модернизации, то любая модернизация «снизу» будет раздавлена государственным колоссом, а ее инициаторы — маргинализованы.

Авторитарная модернизация проводится всегда «сверху», на основе социальной мобилизации. Обратная связь с обществом и социальные издержки для государства второстепенны — государство рассматривает общество исключительно как объект своего воздействия, как дешевый и возобновляемый ресурс. Но инновационная модернизация в нынешних условиях может быть успешной только при субъектности и активности креативного класса, поэтому она должна проводиться не «сверху» и не «снизу», а в *диалоге государства (в лице как верховной власти, так и административно-бюрократической элиты) и креативного класса* — на основе всестороннего согласования их интересов.

Может ли инновационная модернизация в принципе обойтись без социальной мобилизации? — Вопрос важный и дискуссионный. По крайней мере, мобилизационный рывок, сопровождающийся недопотреблением населения, — это

традиционное для российского развития явление Он требует сверхнапряжения усилий общества ради некоей абстрактной либо утилитарной цели: государство во имя «светлого будущего» предлагает народу безропотно терпеть трудности и лишения — здесь и сейчас. Мобилизация всегда имеет существенные издержки: она выкачивает из общества витальную энергию, что, в конце концов, всегда заканчивается стагнацией. Поэтому при инновационной модернизации сильные мобилизационные рывки нежелательны. Авторитарная модернизация с ее диктатом государства и принудительной мобилизацией близка к «революции сверху»; инновационная модернизация по своей типологии ближе к ускоренному эволюционному пути развития. В настоящее время о мобилизации уместно говорить по отношению к государственной бюрократии и креативному классу как главным потенциальным «прорабам» модернизации. Но народ, неактивное большинство, и так живет в целом на пределе возможностей — призывать его к самоограничениям, снижению потребления, терпению и концентрации усилий во имя «модернизационного рая» в нынешних условиях, во-первых, безнравственно и, во-вторых, бессмысленно.

Многие исследователи считают, что российское общество сервильно (т. е. преклоняется перед жесткой властью), пассивно и не хочет быть участником модернизационных процессов, а потому, мол, власть не может опираться на несубъектную массу. Даже если согласиться с этим спорным и неоднозначным утверждением, необходимо отметить, что подобная характеристика никоим образом не относится к креативному классу, представители которого как раз субъектны и очень даже хотят быть не только второстепенными участниками модернизации, но также ее инициаторами и выгодоприобретателями.

В постиндустриальном обществе человек выходит на определенный уровень индивидуальной самодостаточности: он может быть мобильным, несвязанным жесткими уза-

ми и вертикальными иерархическими связями с «заводом» (корпорацией). При желании он способен стать сам себе хозяином — социальная и географическая мобильность превращается в одну из важнейших парадигм современности. Поэтому для эффективного управления власти необходимо не умалять социальную субъектность гражданина, как это чаще всего бывает в России, а создавать условия, в которых может достигаться мультипликационный социальный эффект.

В современных условиях меняется и образ эффективно-го государства — государство-страж, государство-бандит, государство-коррупционер, государство-корпорация, государство-ночной сторож (любимый либералами образ) в общественном сознании превращается в государство нового типа — *социального партнера*. Главная цель такого государства — помимо охранительных функций — модернизационная: социальное развитие, синергия, взаимное усиление и солидаризация государственных интересов с общественными. Это когда, фигурально выражаясь, дважды два — не четыре, а шесть, восемь и более. Признавая за обществом и гражданами субъектность, государство вынуждено заключить с ними *новый общественный договор* — о разграничении интересов и сфер компетенции, а самому стать эффективным инноватором — не только заказчиком, но и гарантом инновационной социальной модернизации, арбитром, следящим за выполнением правил.

Разумеется, государство-партнер — это лишь привлекательный образ, а не реальное состояние и не ближайшая перспектива России. Однако в условиях XXI в. подобная модель будет иметь **большую** устойчивость, чем авторитарные или полицейско-охранительные государства, поскольку государство-партнер лучше приспособлено к новым вызовам — к существованию в динамической среде постиндустриализма, в которой инновации являются нормой, а не исключением.

Инновационная проблематика имеет ярко выраженную политическую подоплеку, поскольку любая инновация, усвоенная обществом, приводит к изменению существующего баланса политической власти¹¹. Инновации ведут к перераспределению сложившихся политических связей и схем приватизации ренты — в результате чьи-то интересы оказываются ущемленными, чьи-то — выигрывают. Понятие *креативной деструкции* (созидательного разрушения), введенное Шумпетером¹², поясняет, почему доминирующая политическая элита всеми возможными методами противится инновациям. Примером креативной деструкции может служить появление рынка в постсоветской России и других странах СНГ. Рыночные механизмы, рыночные отношения и рыночная либерально-фундаменталистская идеология были, без сомнения, крупной инновацией, которая, будучи наложенной на реалии социалистической плановой экономики и неготовность общества жить в новых условиях, привела, в конечном счете, к социальной демодернизации, уничтожению существующих хозяйственных механизмов и целых сегментов экономики.

Ликвидация моноцентризма властной корпорации в условиях российской политической системы также может рассматриваться как креативная деструкция, которая, тем не менее, является неременным условием выживания России в XXI в.

В противном случае, если государство будет проводить политику «подморозки» и препятствовать проявлениям субъектности общества, вся мобилизованная социальная энергия будет рассеяна в пустоту. Скажем, в 1945 г. советский народ находился на пике мобилизационного подъема, вызванного победой в Великой Отечественной и Второй ми-

¹¹ Сергеев В.М. Инновации как политическая проблема // Полития. 2008. № 1. С. 117.

¹² Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 128.

ровой войнах. Но сталинский режим вместо того, чтобы воспользоваться взлетом народного духа и создать прорывной синергетический эффект, побоялся «неуправляемости» масс и «слил» народную энергетику — немало советских освободителей из Европы прямым рейсом отправились в Сибирь.

Государство должно управлять не экономикой, а экономическим развитием, не обществом, а социальным развитием. То есть оно должно создавать условия и мотивации для самостоятельного хозяйствования и принятия бизнес-субъектами самостоятельных решений. Такое государство-партнер пока нетрадиционно для российской исторической традиции и политической системы, но именно оно в наибольшей степени соответствует сегодняшним вызовам глобального мира.

Инновационная модернизация — путь к креатократии

В теории модернизации распространено представление о том, что модернизационные проекты и инновационные системы рождаются не из общегуманистических или общегосударственных соображений, а из осознания политическими и интеллектуальными элитами надвигающегося краха собственного государства — при все увеличивающемся отставании от стран-«эталонов» мирового развития.

Стратегия дальнейшего существования и развития России может быть выработана в контексте трех альтернативных типов сценариев — инерционного, мобилизационного и инновационного.

Во-первых, *инерционный сценарий*: вряд ли Россия окажется среди лидеров мирового развития, однако российская элита сможет интегрироваться в мировую элиту на вполне приемлемых для нее условиях. Дальнейшее развитие не требует структурных реформ, все изменения ограничиваются «фасадным» уровнем и управляемой властью общественной дискуссией о модернизации, экономический уклад сохраняет энергозависимый характер.

Во-вторых, *мобилизационный*: авторитарная модернизация проводится на основе реального проекта развития страны, выдвинутого верховной властью и несаботированного административно-бюрократической элитой, в условиях жесткой социальной мобилизации и ограничения политических свобод.

И, в третьих, *инновационный*: модернизация рассматривается как часть нового общественного договора — между государством и обществом. Иницилируя модернизацию, государство вынужденно идет на ряд самоограничений — прежде всего, на ограничение собственной монополии на власть, на сотрудничество с амбициозными классами и на реформу системы государственного управления¹³. Упор делается на развитии несырьевых секторов экономики, наукоемких технологий и воспроизводстве человеческого капитала. При этом верховная власть берет на себя функцию «внутренней службы безопасности», в задачу которой входит нейтрализация «агентов контрмодернизации» внутри государственного аппарата и бизнес-элит, а также борьба с коррупционными схемами присвоения рентных доходов.

Политический режим, созданный в России в начале 2000-х гг. — во время первого президентского срока Владимира Путина, — уместно определить как синтез *милитократии* и «*петрократии*». Милитократия — это не просто верхушка властной пирамиды, освоенная выходцами из силовых ведомств и потому имеющая милитарный антураж, но прежде всего специфическая система политического мышления и принятия управленческих решений. Для милитократии характерны быстрота и радикальность реагирования, но при этом — заниженный горизонт стратегического планиро-

¹³ Ряд исследователей рассматривают в качестве реальных в современных российских условиях лишь два сценария — инициативно-мобилизационный и эволюционный. См.: *Иноземцев В.Л.* Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Вып. 1. М., 2009. С. 80–81.

А.Н. Окара. Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии
вания и недооценка технологий «мягкой власти» (soft power). «Петрократия» — это форма ресурсного обеспечения властной корпорации, при которой господство элитных групп основано на доступе к перераспределению и присвоению нефтегазовой ренты.

В условиях рентной экономики и «милито-петрократии» было принято говорить о «порядке» и «стабильности» как высших ценностях государственного развития. Однако оказалось, что подобная «стабильность» является средой для инерционного существования в течение весьма ограниченного промежутка времени. В такой ситуации государство эволюционирует в направлении «государства-корпорации», а национальные интересы подменяются утилитарными интересами доминирующих элит, которых можно сравнить с «учредителями» корпорации.

Мировой структурный и финансово-экономический кризис, а также постепенный переход к новому общемировому укладу жизни, подводят элиты к необходимости мыслить нелинейно и содействуют выработке и продвижению реальных, а не муляжно-пиарных модернизационных сценариев. Если верховная власть обладает стратегическим и прогностическим видением перспективы развития России и мира, она должна инициировать всеобъемлющую инновационную модернизацию. А это, в свою очередь, означает смену не только дизайна, но и сущности политического режима — от «милито-петрократии» в сторону *креатократии*.

Государство, максимально приспособленное к институционализации инноваций и инновационных процессов, государство, легко адаптирующееся к креативной деструкции, государство, поставляющее на мировой рынок идеи, образы, высокие технологии и интеллектуалоемкую продукцию, а не только природные ресурсы и энергоносители, государство, в котором авторитет и легитимность политической элиты зиждется прежде всего на факторах «мягкой власти» и свободной лояльности народа, — таковы общие контуры рос-

сийской креатократии, выгодно отличающие эту модель не только от реально наличествующей, но также от новых идеократических и технократических утопий.

Инновационная модернизация, проходящая при широком участии креативного класса, предполагает существенные коррективы всей российской политической системы: главное — это отказ от модели, в которой властная корпорация является единственным субъектом выработки, принятия и исполнения решений. Это противоречит узкокорпоративным интересам власти, поскольку умаляет ее монопольный статус в социальной системе, однако открывает широкую перспективу для развития субъектности различных общественных групп и общества в целом, что, в свою очередь, дает основания для мультиплицирующего синергетического эффекта и небывалого социального роста.

Таким образом, в информационно-когнитивную эпоху прежние методы управления и социальной интеграции становятся неэффективными и даже угрожающими дальнейшему развитию и сохранению социальных систем. Лидерские позиции в мире в недалекой перспективе займут те страны и народы, которые держат курс не на постмодерн, а на «сверхмодерн», которые играют на усложнение, а не на упрощение культурной, гуманитарной, социально-политической и управленческой модели.

В этих условиях высокий уровень развития России (иначе говоря, подлинное величие государства Российского) может быть достигнут и сохранен не на основе государственного охранительного патернализма, не на основе жесткой социальной мобилизации и не на основе «добровольно-принудительных» форматов лояльности. Россия, как это уже неоднократно подтверждалось на протяжении всей истории, способна стать одним из мировых лидеров по производству, внедрению и капитализации инноваций — научных, технических, гуманитарных и даже управленческих. Однако достичь этого можно лишь путем ведения взаимовыгодного и

А.Н. Окара. Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии партнерского диалога, путем сотрудничества, солидарности и синергии сохраняющих свою субъектность граждан, общественных организаций, креативного класса, бизнеса и государства.

Столь любимые российскими охранителями сценарии консолидации народа в критический момент против внешних «врагов» и внутренних «предателей», вокруг «сильного» патерналистского государства и «мудрого» вождя — при отказе от субъектности общества — в начале XXI в. способны повести Россию, увы, не в будущее, но в прошлое.

А ведь именно *завоевание будущего* является главной сверхзадачей российской модернизации.

**Тематическая программа научного семинара
«Россия в историческом и мировом пространстве»
на 2009 год**

1. Геоэкономическая формула мироустройства: Россия в новом универсуме.
2. Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи.
3. Существует ли оригинальная русская цивилизация в пространстве между Востоком и Западом?
4. Идеология и философия солидаризма.
5. Будущие угрозы человечеству и России.
6. Социогенетические и политэкономические корни России как общества, страны, государства.
7. Механизмы взаимодействия цивилизаций: прошлое, настоящее, будущее.
8. Болезни России: актуальный диагноз и комплексный прогноз.
9. Критерии успешности страны, цивилизации, человечества.
10. Национальная идея России и ее проект миру.

**Список участников семинара
«Россия в историческом и мировом пространстве»**

Агеев Александр Иванович — доктор экономических наук, профессор, генеральный директор Института экономических стратегий РАН

Афанасьев Георгий Эдгардович — руководитель Экспертного клуба промышленности и энергетики

Багдасарян Вардан Эрнестович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса

Балановская Елена Владимировна — доктор биологических наук, руководитель лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического научного центра РАМН

Бузгалин Александр Владимирович — доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, координатор ООД «Альтернатива»

Дугин Александр Гельевич — доктор политических наук, профессор, руководитель Центра консервативных исследований МГУ им. М.В. Ломоносова

Кара-Мурза Сергей Георгиевич — доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Кара-Мурза Алексей Алексеевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной и политической философии Института философии РАН

Лексин Владимир Николаевич — доктор экономических наук, руководитель научного направления Института системного анализа РАН

Малинецкий Георгий Геннадьевич — доктор физико-математических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН

Межуев Борис Вадимович — кандидат философских наук, заместитель главного редактора «Русского журнала»

Межуев Вадим Михайлович — доктор философских наук, Институт философии РАН

Нарочницкая Наталия Алексеевна — доктор исторических наук, президент Фонда исторической перспективы

Неклесса Александр Иванович — председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

Окара Андрей Николаевич — кандидат юридических наук, директор Центра восточноевропейских исследований

Пивоваров Юрий Сергеевич — академик РАН, директор Института научной информации по общественным наукам РАН

Пономарева Елена Георгиевна — кандидат политических наук, доцент МГИМО (У) РФ

Рогов Сергей Михайлович — член-корреспондент РАН, директор Института США и Канады

Соловьев Александр Иванович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой МГУ им. М.В. Ломоносова

Сулакшин Степан Степанович — доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Фурсов Андрей Ильич — кандидат исторических наук, директор Института русских исследований Московского гуманитарного университета

Ципко Александр Сергеевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН

Чернавский Дмитрий Сергеевич — доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН

Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН

Приглашаем к сотрудничеству!

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования — современная динамично развивающаяся научно-экспертная и проектная организация. В Центре накоплен существенный практический опыт, кадровый потенциал и осуществляются не только фундаментальные разработки. Специалисты Центра успешно организуют и проводят научно-прикладные исследования и оказывают консалтинговые услуги в следующих сферах:

1. Разработка проектов нормативных правовых актов, в том числе концептуального, доктринального и программного характера, федерального, регионального и местного уровня.
2. Актуальное и проблемное информационно-аналитическое обеспечение деятельности руководства органов государственной власти, коммерческих организаций.
3. Управленческое и правовое консультирование по вопросам технического регулирования, разработка нормативных правовых и локальных актов в сфере технического регулирования.
4. Управленческое и правовое консультирование по вопросам интеллектуальной собственности, разработка нормативных правовых и локальных актов в сфере охраны интеллектуальной собственности.
5. Прикладные научные исследования в сфере экономики, права, управления.

Работы выполняются на основе собственных оригинальных методологий, пользуются спросом более чем в 20 странах мира.

Научный руководитель Центра — доктор политических наук В.И. Якунин.

Возглавляет Центр доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор С.С. Сулакшин.

Центр заинтересован в творческих заказах, приглашает к сотрудничеству и партнерству.

Наш адрес:

107078, Москва, ул. Каланчевская, д. 15 (подъезд 1, этаж 5).

Тел./факс: (495) 981-57-03, 981-57-03, 981-57-09,

www.rusrand.ru; e-mail: frpc@cea.ru

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН продолжает работу по развитию интернет-экспертного сообщества России. Аналогом является известное экспертное сообщество ЦРУ США, возможностями которого широко пользуются официальные структуры американского государства.

Речь идет о сетевом интеллекте как о современном инструменте научного процесса.

Экспертное сообщество решает конкретные задачи: проводит анализ и дает прогноз развития социально-экономической и политической ситуаций в стране, участвует в инициативных проектах по актуальным и проблемным сторонам российской действительности (демографии, госуправления, экономики и т. п.).

На сегодняшний день в экспертное сообщество входят более 300 экспертов — представителей свыше 60 городов России, а также четырех стран постсоветского пространства и двух стран дальнего зарубежья; более 26% сообщества составляют доктора наук, 50% — кандидаты наук.

Наиболее важные научные продукты сообщества (например, экспертный доклад «Финансово-экономический кризис (истоки, развитие, прогноз)», <http://www.rusrand.ru/text/Otchet_FEK.pdf>) доводятся до руководства страны и фактически дают возможность передачи ему мнения независимых от политических и субординационных обстоятельств научных кругов. Единственный критерий передаваемых материалов — их научная достоверность. Это, на самом деле, пусть не очень большая, но реальная возможность гражданской самореализации для многих российских ученых, особенно из различных регионов страны.

Формирование единого экспертного сообщества является шагом к созданию реально функционирующей фабрики мысли, концентрирующей национальный интеллект и соединяющей его с действующей властью.

Желающих принять участие в работе экспертного сообщества приглашаем зарегистрироваться в качестве эксперта на сайте: **www.rusrand.ru**.

Сообщество строится по принципу «снежного кома». Вы можете порекомендовать в качестве экспертов известных Вам профессионалов в различных областях знаний.

Любые вопросы можно уточнить по e-mail: **expert@rusrand.ru**.

Научное издание

Идеология и философия солидаризма

Материалы научного семинара
«Россия в историческом и мировом пространстве»

Выпуск № 9

*Редактор Ю.Е. Мешков
Ответственный за выпуск О.А. Середкина
Художественное оформление С.Г. Абелина
Компьютерная верстка О.П. Максимовой*

*Наш адрес:
107078, Россия, г. Москва,
ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5
Тел./факс: (495) 981-57-03,
981-57-04, 981-57-09
E-mail: frpc@cea.ru
www.rusrand.ru*

Сдано в набор 27.02.2010 г.
Подписано в печать 03.03.2010 г.
Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Отпечатано в ООО «Типография Парадиз»
Усл. печ. л. 8. Тираж 500 экз. Заказ № 000